

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Вторая Камчатская экспедиция, или Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг. под командованием датского капитана на российской службе Витуса Беринга, является одной из наиболее масштабных по охвату экспедиций в истории. Она основывалась на предложениях Витуса Беринга, возглавлявшего в 1725–1730 гг. Первую Камчатскую экспедицию, отправленную Петром I, основной задачей которой было решение вопроса о том, соединяются ли Северная Азия и Америка. Цели Второй Камчатской экспедиции были значительно шире. Основное подразделение экспедиции — её морские отряды — должно было исследовать и картографировать северное и восточное побережье Российской империи с целью установить, возможно ли наладить торговлю с Китаем и Индией через Северо-Восточный морской путь. Другая задача морских отрядов состояла в отыскании морского пути к Северной Америке и Японии. Гораздо более скромное по численности подразделение экспедиции, сформированное Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге, имело своей задачей составление всеобъемлющих описаний географии, природы, этнографии и истории Сибири.

Для того чтобы сделать большую часть до сих пор не опубликованных материалов экспедиции доступной как для учёных, так и для всех интересующихся этой тематикой, Фонд Франке в Галле (Германия) и Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Россия) основали в 1998 г. совместную серию публикаций «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов», в которой вышеназванные материалы публикуются с комментариями как в русскоязычных, так и в немецкоязычных изданиях.

Опубликованные тома серии вышли в свет благодаря разделению труда между двумя рабочими группами. Материалы морских отрядов были подготовлены к изданию группой профессора доктора Петера Ульфа Мёллера и доктора Натальи Охотиной-Линд (Копенгаген), а материалы Академического отряда — группой доктора Виланда Хинтцше (Галле) в сотрудничестве с различными русскими архивами и учёными. В результате на сегодняшний день вышло пять томов русских и семь томов немецких изданий.

Предлагаемый здесь читателю 10-й том серии, подготовленный к печати датской рабочей группой, является хронологическим продолжением тома 9 и включает в себя документы морских отрядов за 1739–1740 гг. Как и материалы предыдущих томов, материалы этого тома дают широко-

кую картину хода экспедиции, её транспортного и продовольственного обеспечения, проблем с местными и центральными администрациями, а также внутренних конфликтов между членами экспедиции.

Редакционная коллегия глубоко скорбит в связи с кончиной в прошедшем 2013 г. двух членов редакционной коллегии – профессора, доктора Пауля Раабе и профессора, доктора Николая Николаевича Покровского. Мы всегда будем с благодарностью вспоминать их помощь и поддержку.

Редакционная коллегия приносит благодарность составителям и всем, кто внёс вклад в осуществление настоящего тома. Особую благодарность за обеспечение финансирования издания мы выражаем датской стороне (Фонд Карлсберга).

Галле и Санкт-Петербург
Май 2014 г.

ВВЕДЕНИЕ

1739–1740 гг. в истории Второй Камчатской экспедиции были, как и все остальные годы, богаты надеждами, разочарованиями, победами, доносами и склоками, бытовой текучкой, географическими открытиями и героическими подвигами. В эти годы экспедиция добилась одного из своих крупнейших успехов — открытия морского пути к северной части Японии.

Но начнём обзор событий за 1739–1740 гг. с запада, с работы Двинско-Обского отряда под руководством лейтенанта Алексея Скуратова. В силу своего географического расположения и из практического удобства отряд подчинялся не Берингу, а напрямую Адмиралтейской коллегии, но тем не менее выполнял часть общей большой задачи Второй Камчатской экспедиции. Скуратов возвращался «домой» после последней зимовки, он вышел в плавание из устья р. Кары 4 июля 1739 г. и 14 августа бросил якорь в Архангельском порту. Таким образом, Двинско-Обский отряд оказался первым подразделением Второй Камчатской экспедиции, выполнившим свою задачу. В результате шестилетней деятельности отряда на карту был нанесён морской путь от Архангельска до р. Оби, до Берёзова, и эта карта впервые была основана на инструментальных наблюдениях. Первые морские карты юго-восточной части Баренцева и приобской части Карского моря, составленные в 1740 г. Скуратовым, заложили прочную основу для дальнейшего успешного картирования Северного морского пути. Само название «Карское море» впервые появилось на картах Двинско-Обского отряда¹.

Работа Обско-Енисейского отряда² натолкнулась на совершенно неожиданное препятствие: его руководитель лейтенант Дмитрий Овцын был 13 сентября 1738 г. арестован за связь с опальными князьями Долгорукими, с которыми он познакомился в Берёзове³. Овцын всячески отрицал свои контакты с Долгорукими, следователи после многочисленных перекрёстных допросов не нашли никаких серьёзных доказательств его вины, но тем не менее 20 января 1739 г. последовал указ Тайной кан-

¹ Более подробно см.: Белов 1956. С. 288–289; Пасецкий 2000. С. 214–215.

² В наших первом и втором томах (ВКЭ 2001 и ВКЭ 2009) было принято название «Енисейско-Тобольский отряд». Начиная с третьего тома (ВКЭ 2013) мы используем более точное название «Обско-Енисейский отряд».

³ См. об этом более подробно: ВКЭ 2013. С. 10–11. Публикуемые нами документы следствия, касающиеся роли Овцына: ВКЭ 2009. № 136. С. 366–372; ВКЭ 2013. № 108, 109, 141, 142, 153. С. 606–623, 720–727, 776–790.

целярии о разжаловании Овцына в матросы и об отправке его в команду Беринга⁴. Овцын прибыл под конвоем в Охотск 12 июля 1740 г.⁵ и в дальнейшем принимал участие в плавании на «Св. Петре» в качестве адьютанта Беринга. Все оставшиеся после Овцына документы, судовые журналы и карты были описаны и по указу Адмиралтейской коллегии, живо интересовавшейся результатами плавания Обско-Енисейского отряда, осенью 1739 г. привезены мастером Кошелевым в Петербург⁶. Но работа отряда с арестом Овцына не остановилась. Ещё до своего ареста Овцын поручил дальнейшие исследования побережья от устья Оби до устья Енисея штурману Федору Минину, который и совершил плавание на боте «Обь-Почтолион» летом 1738 г.⁷ К сожалению, в плаваниях 1739 и 1740 гг. удача не сопутствовала Минину. Летом 1739 г. по вине Мангазейской воеводской канцелярии, не поставившей вовремя продовольствие Обско-Енисейскому отряду, бот «Обь-Почтолион» сумел начать плавание к низовьям Енисея только 31 июля, а в конце августа из-за надвигающейся зимы Минин был вынужден повернуть судно назад и встать на зимовку в Мангазее (Туруханске). Зимой-весной 1740 г. штурман Дмитрий Стерлегов описывал по суше морской берег от Северо-восточного мыса до устья Нижней Таймыры. Летняя компания 1740 г. началась хорошо: отряд вышел в плавание рано — 3 июля, успешно вышел в море, но к концу августа достиг только широты 75° 15', где стоячие льды преградили ему путь на северо-восток. Минин был опять вынужден вернуться на зимовку в устье Енисея и признать безрезультатность двух морских компаний подряд. Очень недовольна этими результатами была и Адмиралтейская коллегия, члены которой полагали, что причиной неудач было нерадение Минина⁸. Основным результатом работы Обско-Енисейского отряда за эти годы было нанесение на карту береговой линии к востоку от р. Пясины и контуров полуострова Таймыр.

Ленско-Хатангский отряд, в 1736 г. потерявший своего командира В. Прончищева, не выходил в плавание в 1737 и 1738 гг. В мае 1739 г. в Якутск прибыл новый командир — лейтенант Харитон Лаптев (двоюродный брат руководителя соседнего отряда Дмитрия Лаптева), вооружённый указом Адмиралтейской коллегии «приводить в окончание» работу отряда. 7 июня 1739 г. Х. Лаптев на дубель-шлюпке «Якутск»

⁴ Док. № 6.

⁵ Док. № 174.

⁶ Док. № 15 и 76.

⁷ ВКЭ 2013. № 111 и 143. С. 624–630, 727–729.

⁸ Указ Адмиралтейской коллегии от 31 октября 1740 г. — док. № 211.

вышел в плавание, достиг устья Лены и вышел в море, находясь в постоянной опасности из-за льдов. Отряд сумел достичь берега Св. Лаврентия, но 22 августа, встретив стоячие льды, был вынужден повернуть и встать на зимовку в устье р. Хатанги. Зимой участники отряда описывали побережье между устьями р. Пясины и р. Таймыры. «Якутск» вышел в новое плавание 12 июля 1740 г., всё начало августа прошло в борьбе со льдами, окружившими судно на море. В середине августа «Якутск» попал в ледовый плен, судно получило пробоины и начало тонуть. Команда успела спастись на берег, но сама дубель-шлюпка погибла во льдах. 25 ноября 1740 г. Х. Лаптев послал рапорт Адмиралтейств-коллегии, в котором обосновывал свой вывод, что обойти Таймыр морем невозможно, и просил разрешения продолжать описание берега по суше⁹. Инструкции предписывали всем офицерам Камчатской экспедиции делать описания берегов, но Харитон Лаптев, несомненно, относился к этому поручению значительно серьёзнее и ответственнее, чем другие. В 1739 г. им было составлено интереснейшее описание берегов Северного Ледовитого океана¹⁰, лёгшее в основу написанных им в 1743 г. знаменитых «Записок»¹¹.

Большие трудности возникли и на пути Восточно-Ленского отряда под руководством Дм. Лаптева, хотя его продвижение было более успешным. Летом 1738 г. отряд в плавание не выходил. 6 июня 1739 г. бот «Иркутск» вышел в низовье Лены, но льды задержали плавание до конца июля. 14 августа судно прошло Святой Нос, на что сам Дм. Лаптев заранее не надеялся, и вошло в воды Восточно-Сибирского моря. Благодаря попутному ветру отряд успешно продвигался на восток и 19 сентября встал на зимовку на р. Индигирке¹². Во время зимовки Дм. Лаптев собирал сведения у местных жителей о возможных путях между Колымой, Чукотским Носом и Анадырем¹³. Вопрос о том, каким образом отряд должен достичь своей цели — по суше или по морю — и пройти из Северного Ледовитого океана к Камчатке, по-прежнему оставался открытым. К тому же у Дм. Лаптева были сомнения в том, сумеет ли бот «Иркутск» пережить зимовку. Адмиралтейств-коллегия была убеждена в теоретической возможности плавания вокруг Чукотского Носа морем, но тем не менее осознавала практическую сложность этой задачи. Поэтому Дм. Лаптеву предписывалось действовать по обстоятельствам: если

⁹ Белов 1956. С. 310–311.

¹⁰ Док. № 75.

¹¹ Троицкий 1982. С. 100–133.

¹² См. док. № 32, 39 и 94.

¹³ Док. № 95.

возможно — идти морем, если нет — описывать берег по суше, не вступая, однако, в те места, где есть возможность повстречать «немирных чукчей»¹⁴. Коллегией был предложен и другой вариант: Беринг должен был выделить дубель-шлюпку для Восточно-Ленского отряда и отправить её навстречу Дм. Лаптеву с Камчатки к Анадырскому устью. Беринг предполагал выделить для этой цели дубель-шлюпку «Надежда», а вместо неё построить в Охотске для отряда Шпанберга новый корабль¹⁵. Но об этих планах Дм. Лаптев летом 1740 г., судя по всему, ничего не знал. 31 июля 1740 г. он вышел из Индигирки в плавание, надеясь в эту компанию обогнуть Чукотский полуостров, но уже 9 августа «Иркутск» около Баранова Камня подошёл к сплошному льду и был вынужден вернуться в Нижнеколымский острог¹⁶.

Несомненно, крупнейшим успехом Камчатской экспедиции за это двухлетие было второе плавание отряда М. Шпанберга к берегам Японии. Во время короткого и не совсем удачного плавания 1738 г. Шпанберг достиг 45° северной широты и описал большую часть Курильских островов. Суда зимовали на Камчатке, на Чекавиной речке, команда основательно готовилась к новому, более продолжительному плаванью: за зиму были построены дубель-шлюпка «Большерецк» и двенадцативёсельная шлюпка, удобная для съездов на крутые японские берега¹⁷. 21 мая 1739 г. капитан Мартин Шпанберг на бригантине «Архангел Михаил», лейтенант Вилим Вальтон на дубель-шлюпке «Надежда», мичман Алексей Шхельтинга на боте «Гавриил» и боцманмат Василий Эрт на «Большерецке» вышли из Большерецка в долгожданное и многообещающее плавание (Вальтон и Шхельтинга вскоре поменялись судами по приказанию Шпанберга). Уже 14 июля Вальтон на боте «Гавриил» отстал от Шпанберга и совершил по сути самостоятельное и богатое открытиями плавание к Японии. 16 июня Вальтон достиг о. Хонсю и вступил в контакт с японцами, а штурман Казимиров был первым русским человеком, побывавшим в гостях в японской деревне¹⁸. Не только Вальтон, но и Эрт и Шхельтинга отстали в силу тех или иных причин в пути от своего командира Шпанберга, что вызвало в дальнейшем его гнев и послужило поводом к длинному разбирательству в том, кто был прав и кто виноват в создавшейся ситуации. Но плавание самого Шпанберга

¹⁴ Док. № 166.

¹⁵ Док. № 182.

¹⁶ См. док. № 210.

¹⁷ Док. № 31.

¹⁸ Док. № 52.

на «Архангеле Михаиле» было очень успешным. В его рапорте даётся красочное описание встреч русских моряков с японцами и на берегу (штурман М. Петров), и на судах, приводятся яркие этнографические детали¹⁹. Визит русских кораблей произвёл впечатление и на японцев, соблюдавших изоляцию от остального мира, и отразился в японских хрониках и документах²⁰. 14 августа бригантин «Архангел Михаил» возвратилась в Большерецк, а 29 августа — в Охотск. И самому Шпанбергу, и всем в Охотске было ясно, что достигнут ошеломляющий успех, на который так надеялось российское правительство, отправляя Вторую Камчатскую экспедицию. Судам японского отряда удалось пройти вдоль всей Курильской гряды с восточной стороны и открыть северный путь в Японию. Мореплаватели побывали на восточном берегу островов Хоккайдо и Хонсю, где до них не ступала нога европейца. Огромное значение имело обследование путешественниками южных Курильских островов: Шикотана, Итурупа, Кунашира. Они выяснили, что эти острова, и даже остров Хоккайдо, не находятся под властью Японии, что делало эти территории особенно интересными для Российской империи.

Шпанберг, всегда отличавшийся строптивостью характера, теперь возомнил, что ему всё дозволено, и начал ослушиваться приказов Беринга²¹. На совете офицеров было решено отправить его с рапортами, картой и привезёнными японскими вещами в Санкт-Петербург для личного доклада. Но сначала Шпанберг, послав в Петербург краткое сообщение об успешном плавании, сел в Якутске готовить журнал, рапорт и карту для предстоящего личного и подробного доклада. Новость достигла Петербурга в самом начале января 1740 г. и несомненно вызвала сенсацию. Несмотря на многократные указы и Кабинета, и Адмиралтейств-коллегии держать сведения о плавании в Японию в секрете, новость достигла Запада молниеносно — в нескольких европейских газетах тут же появились заметки об открытиях Шпанберга. Естественно, больше всех заволновались голландцы, до сих пор обладавшие правом монопольной торговли в Японии²². Несмотря на всё это, указ Кабинета министров срочно явиться в Петербург не был послан Шпанбергу немедленно: текст этого указа прошёл несколько редакций с 7 по 24 января²³. Это отражает царившие в тот момент в правительстве колебания в вопросе

¹⁹ Док. № 114.

²⁰ См.: Черевко 1999. С. 84–96.

²¹ Док. № 59.

²² Дивин 1971. С. 138–139.

²³ Док. № 106.

о том, не стоит ли всё командование Второй Камчатской экспедиции передать от Беринга Шпанбергу, когда тот придет в Петербург. В итоге между 7 марта и 14 апреля 1740 г. Кабинет послал Шпанбергу указ, в котором было сказано, что ему передаётся командование Камчатской экспедицией, а Берингу предписывается немедленно явиться в Петербург «для некотораго <...> разсуждения»²⁴. Адмиралтейств-коллегия составила для Шпанберга новую инструкцию по работе Второй Камчатской экспедиции. В соответствии с этой инструкцией в американский вояж предписывалось отправиться капитану Чирикову и лейтенанту Ендугурову, а сам Шпанберг должен был продолжать плавания к Японии²⁵. Гонец с этими указами был послан к Шпанбергу и к Берингу. И история Камчатской экспедиции, и личные судьбы Беринга и Шпанберга должны были круто измениться. Но тут совершенно неожиданно события приняли опять совсем другой оборот. 14 апреля 1740 г. был послан новый гонец с рядом новых указов, по которым командование экспедицией оставалось за Берингом, Шпанбергу было приказано не приезжать в Петербург, а прислать письменный рапорт о японском плавании и возвращаться в Камчатскую экспедицию, чтобы вместе с Берингом и другими офицерами составить ведомость о состоянии экспедиционных дел²⁶. Что же случилось 14 апреля 1740 г. и почему планы о смещении Беринга оказались свёрнуты? Традиционно в научной литературе была принята точка зрения, что решение о сохранении status quo в Камчатской экспедиции было связано с арестом кабинет-министра Артемия Волынского, взятого под стражу 12 апреля 1740 г., и победой другого кабинет-министра — А.И. Остермана. Однако такая точка зрения кажется нам не вполне убедительной, а совпадение дат случайным. Под указами о смещении Беринга стоят подписи не только Волынского, но и других кабинет-министров — А. Черкасского и А. Остермана, то есть они вовсе не противились замене Беринга Шпанбергом²⁷. Не падение Волынского изменило позицию Кабинета в этом вопросе, а другое, в общем-то, совершенно случайное и мелкое происшествие. Штурман М. Петров, бывший в плавании с Шпанбергом на «Св. Архангеле Михаиле», сказал 6 ноября в Якутской воеводской канцелярии «слово и дело по 2-му пункту» на Шпанберга, то есть обвинил его в бунте или измене. Пока дело не было

²⁴ Док. № 135 и 140.

²⁵ Док. № 141.

²⁶ См. док. № 143, 144, 145.

²⁷ К тому же результату пришёл и Е.Е. Рычаловский на основании исследования роли А. Остермана в истории Камчатской экспедиции (Рычаловский 2003. С. 69–70).

расследовано, Шпанберг оставался под следствием по этим обвинениям. Известие о доносе Петрова достигло Петербурга в конце марта 1740 г. и 10 апреля рассматривалось Сенатом²⁸. Естественно, что человек, находившийся под подобными обвинениями, не мог занять пост руководителя Камчатской экспедиции. Таким образом, в очередной раз в истории Камчатской экспедиции донос сыграл ключевую роль в развитии событий. Судя по всему, ни Беринг, ни Шпанберг так никогда и не узнали, какой так никогда и не осуществившийся крутой поворот им готовила судьба. 13 августа 1740 г. Шпанберг вернулся в Охотск под команду Беринга и начал готовить новое плавание к японским берегам.

Для самого Витуса Беринга 1739–1740 гг. стали годами, когда наконец-то и ему самому удалось тронуться в долгожданный путь. С начала 1739 по середину 1740 г. Беринг жил в Охотске, занимаясь уже ставшей обычной экспедиционной рутинной: бесконечной перепиской с местными канцеляриями о заготовке провианта, строительством судов для предстоящего американского плавания, оправданиями перед Адмиралтейской коллегией, Сенатом и Кабинетом и объяснением причин задержки экспедиции, разбором ссор, доносов и скандалов между участниками экспедиции и со стороны начальника Охотского порта Г.Г. Скорнякова-Писарева. На снабженческом фронте по крайней мере часть ответственности свалилась с плеч Беринга после того, как осенью 1739 г. в Иркутск и в Якутск прибыли комиссарами лейтенанты Г.Т. Толбугин и В.Л. Ларионов, задачей которых было принуждение местных канцелярий помогать Камчатской экспедиции. Несомненно, капитан-командор внимательно следил за успехами и неудачами отрядов экспедиции, но главным делом была подготовка плавания его самого и капитана Чирикова к американским берегам. В связи с отправлением в плавание Беринг просил Адмиралтейств-коллегию вновь начать ему выплачивать двойное жалование²⁹. В конце июня – начале июля 1740 г. в Охотске наконец были спущены на воду пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел»³⁰, а 8 сентября оба пакетбота, дубель-шлюпка «Надежда» и галиот «Охотск» вышли в море и отправились к камчатским берегам, где они должны были зимовать, чтобы летом 1741 г. выйти в американское плавание, не теряя времени. Беринг на пакетботе «Св. Петр» вошёл в Авачинскую бухту 6 октября 1740 г. и дал название уже сложившемуся там небольшому поселению

²⁸ Док. № 139 и 142.

²⁹ Док. № 195.

³⁰ Док. № 179.

«Гавань святых апостолов Петра и Павла». Эта дата (17 октября по новому стилю) считается днём основания г. Петропавловска-Камчатского. Справедливости ради отметим, Чириков на «Св. Павле» вошёл в Авачинскую бухту раньше — 27 сентября³¹. Зимовка в Петропавловске-Камчатском оказалась довольно суровой, из-за нехватки провианта пришлось разослать команду к местному населению для пропитания³².

1740 г. оказался интересным для исследователей жизни Витуса Беринга также и в силу ещё одного случайного обстоятельства. Как известно, архивные фонды сохранили человечеству ничтожно малое количество частной переписки «обычных людей» XVIII в. Но в случае с Берингом нам повезло, поскольку в фондах Архива внешней политики Российской империи³³ отложились уникальные документы — частные письма Витуса Беринга, его жены Анны и девятилетнего сына Антона, написанные в Охотске в первых числах февраля 1740 г. родственникам и друзьям³⁴. Письма словно позволяют нам заглянуть на один момент в частную жизнь семьи Берингов и понять намного больше об их круге общения, связях и семейных событиях, но самое значимое — они дают возможность осуществить то, что практически невозможно сделать на основании официальной корреспонденции Камчатской экспедиции, а именно намного лучше понять характер, мировоззрение и взгляды самого Витуса Беринга, человека довольно закрытого и сдержанного³⁵. Каким же образом эти уникальные письма осели в архиве? Мы знаем³⁶, что функцию «почтовой конторы» в Петербурге для семьи Берингов выполнял австрийский резидент Гогенгольц и его жена. Беринги вложили все свои письма в маленьких конвертиках с адресами в один большой пакет, на котором должен был стоять петербургский адрес Гогенгольца, и отправили его с адмиралтейским курьером. Пакет должен был прийти

³¹ Док. № 207.

³² Док. № 221.

³³ До 1946 г. документы хранились в РГАДА и были переданы в Архив внешней политики в связи с его организацией.

³⁴ Док. № 116–131. Письма публиковались нами ранее на языке оригинала с переводом на датский, русский и английский языки: Lind, Møller 1997. S. 59–83, 93–108; Охотина-Линд 2004 С. 189–215; Møller, Lind 2008. P. 48–80, 88–97.

³⁵ К сожалению, не все попытки реконструировать ментальные портреты Витуса и Анны Берингов на основании этих писем можно признать удачными. Одну из таких попыток сделал американский исследователь О. Фрост, но он, к сожалению, не сумел правильно перевести опубликованные нами тексты писем с немецкого или датского языка (Lind, Møller 1997), что привело его к ряду недоразумений и грубых фактических ошибок (Frost 2003).

³⁶ См. аргументацию более подробно в комм. к док. № 122.

до Петербурга в августе — сентябре 1740 г. Но на этот раз он не попал в руки семьи Гогенгольца. Во внутреннем документе Адмиралтейств-коллегии от 27 августа 1740 г. говорится о том, что присланный из Охотска пакет от Беринга на имя Гогенгольца следует переправить в Кабинет министров³⁷. А в «Реестре входящим в Кабинет сентября 2 и 3 числа 1740 г.» под № 8 значится следующее: «Репорт из Адмиралтейской коллегии: получены во оную коллегию от кап.-командора Беринга и от капитана Шпанберга репорты <...> и притом получен пакет от капитана Беринга к гос. цезарскому посланнику фон-Гогенгольцу (Отдать в иностранную экспедицию)»³⁸. Трудно ответить на вопрос, почему Кабинет министров заинтересовался пакетом на имя Гогенгольца, о причинах мы можем только гадать. Попав в Кабинет, пакет осел среди бумаг Остермана и вместе с ними попал в архив.

Как и в предыдущие годы, экспедицию раздирали ссоры и скандалы, а на их разбирательство уходило огромное количество драгоценного времени. Заметно ухудшились отношения между двумя капитанами — Шпанбергом и Чириковым. Начало конфликта было заложено ещё в 1736–1737 гг., когда Чириков, руководя доставкой материалов и съестных припасов из Юдомского Креста в Охотск, отдавал предпочтение, по мнению Шпанберга, оснащению американского отряда, пренебрегая более срочными нуждами японского отряда. Шпанберг обвинил Чирикова в задержке японского вояжа на год, Адмиралтейская коллегия очень серьёзно отнеслась к этому обвинению, в результате чего разбирательство дела тянулось и в 1739 г.³⁹ Вообще Чириков явно тяготился пребыванием в Камчатской экспедиции, считал, что Беринг и Шпанберг отстранили его от участия в важных делах, и многократно обращался к президенту Адмиралтейств-коллегии Н.Ф. Головину с просьбами освободить его от участия в Камчатской экспедиции или по крайней мере позволить вернуться в Петербург сразу же после завершения американского плавания.

Продолжались и конфликты с извечным «злым гением» Камчатской экспедиции, начальником Охотского порта Г.Г. Скорняковым-Писаревым. Эти конфликты в охватываемые нами годы выросли в настоящую войну с арестами и применением физической силы. Но наконец пришло и долгожданное избавление. Первый указ о смещении Скорнякова-Писарева с поста начальника Охотского порта был дан Кабинетом ещё 25 декабря

³⁷ Док. № 191.

³⁸ Сб. РИО. Т. 146. С. 456–457.

³⁹ Док. № 44, 54, 66, 69, 70, 79, 81, 82, 83, 100.

1737 г.⁴⁰, но новый начальник, бывший генерал-полицмейстер Петербурга ссыльный Антон Девиер, был назначен только 13 апреля 1739 г.⁴¹ Ещё через полтора года, 10 августа 1740 г., Девиер прибыл в Охотск в качестве нового начальника порта, арестовал Скорнякова-Писарева и начал следствие. Мы можем только догадываться, какой восторг в Камчатской экспедиции вызвало низвержение её заклятого врага. Верный себе Скорняков-Писарев тут же написал донос в Петербург на А. Девиера.

Несмотря на многие разочарования и промедления, Камчатской экспедиции удалось достигнуть значительных успехов за 1739–1740 гг. Впереди ждало плавание к берегам Америки.

* * *

Все документы настоящего тома публикуются по архивным документам⁴². Подавляющее большинство документов данного тома публикуется впервые. Однако некоторые документы Камчатской экспедиции за 1739–1740 гг. были введены в научный оборот ранее. Мы отбирали для настоящего тома те архивные документы, которые считали наиболее интересными. В результате оказалось, что некоторые из них уже были опубликованы нашими предшественниками, но, с другой стороны, мы не включили в настоящий том ряд документов, которые содержатся в других публикациях материалов экспедиции. Поэтому мы призываем читателей не ограничиваться чтением настоящего тома, а обращаться и к другим публикациям документов Второй Камчатской экспедиции.

Критерии, использованные при отборе материала для публикации, остались в принципе теми же, что и в предыдущих томах. Публикация включает только документальные материалы; карты и судовые журналы из-за их объёма и специфики материала не входят в тома данной серии. За пределами тома остаются документы Академического отряда, поскольку им посвящена отдельная серия в «Источниках по истории Сибири и Аляски из российских архивов». Мы не публикуем также

⁴⁰ См. запись в протоколах Сената от 16 января 1738 г. – ВКЭ 2013. № 75. С. 484–486.

⁴¹ См. док. № 28.

⁴² Археографическая часть предисловия с небольшими изменениями повторяет текст археографической части предисловия предыдущего тома (ВКЭ 2013. С. 17–24), поскольку правила и принципы публикации остались без изменения. Если читатель уже знаком с употребляемыми нами правилами по предыдущему тому, он может пропустить следующие страницы.

документы Двинско-Обского северного отряда, исследовавшего побережье Сибири от Архангельска до устья Оби. Хотя этот отряд и решал часть той же задачи, что и вся Вторая Камчатская экспедиция, он подчинялся не Берингу, а напрямую Адмиралтейской коллегии и таким образом не входил в экспедицию Беринга. Однако основные вехи работы Академического и Двинско-Обского отрядов включены в «Хронологию событий» (см. в конце настоящего тома), чтобы сохранить общую картину происходившего в эти годы. Мы ставили своей задачей осветить разные стороны деятельности Камчатской экспедиции, как «героическую», так и «будничную». Мы также стремились дать достаточно репрезентативную выборку материалов Камчатской экспедиции, хранящихся в архивах. Поэтому в нашем сборнике такое количество документов, на первый взгляд не имеющих никакого отношения к географическим открытиям: в первую очередь это доносы и бесконечная переписка по совершенно мелочным вопросам, например «дела о табаке». К сожалению, в жизни Камчатской экспедиции эти дела занимали непомерно большую долю, отнимая массу драгоценного времени у самого Беринга и других офицеров и тем самым тормозя работу экспедиции. В архивных фондах эти дела тоже составляют большой процент от всех документов. Наконец, мы старались дать возможность «высказаться» обеим сторонам в конфликтах, публикуя, например, версии и Шпанберга, и Чирикова, обвинявших друг друга в задержке экспедиции.

* * *

В раздел «Хронология событий» включены наиболее значимые для Камчатской экспедиции события с 1 января 1739 г. по 31 декабря 1740 г. Составители стремились дать наиболее полный обзор всего материала, имеющего отношение к экспедиции, поэтому в раздел включена не только хроника морских отрядов, история которых освещается в настоящем томе, но и представлены отдельные важные события, связанные с деятельностью Академического и Двинско-Обского морского отряда. Нам представляется, что это даёт более полную картину жизни Второй Камчатской экспедиции в данных хронологических рамках.

Для «Глоссария» выбирались в основном редкоупотребительные слова XVIII в., составляющие профессиональную терминологию тех отраслей, которые отражены в книге. Значение отдельных слов не всегда поддаётся однозначному толкованию; составители приводили то опре-

деление, которое представлялось им наиболее достоверным. Естественно, наш «Глоссарий» не может заменить всех существующих словарей и справочников по языку XVIII в., он призван в первую очередь облегчить читателям поиск слов, наиболее часто встречающихся в данном томе.

* * *

Принципы публикации текстов и палеографические правила, принятые в этом издании, остались неизменными по сравнению с двумя предыдущими томами — «Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734–1736. Морские отряды» (ВКЭ 2009) и «Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1737–1738» (ВКЭ 2013). Документы в сборнике расположены в хронологическом порядке. Если известен только месяц написания документа, но не его число, то он помещён в начале данного месяца, перед точно датированными документами⁴³. В тех случаях, если дата отсутствует в документе и восстанавливается составителями по косвенным данным, в легенде обязательно указывается, на каком основании предлагается возможная датировка.

Если (в редких случаях) документ публикуется не полностью, то это непременно оговаривается в легенде.

В легенде после каждого публикуемого документа указывается его современное место хранения: архив, номер фонда, описание, дело, листы. Расшифровка названий архивов и фондов приведена в «Списке использованных архивных фондов и дел». Названия дел в подавляющем большинстве случаев или не несут никакой информации об их содержании или вовсе отсутствуют. В тех редких случаях, когда заголовок дела может оказаться полезным исследователям, он приводится в легенде в скобках после номера дела.

В сборнике как правило не указывается, кому принадлежит почерк документа, что объясняется характером материала: большинство документов переписывалось писцами-канцеляристами, и определить принадлежность почерка тому или иному человеку можно лишь в том случае, если он сам оставил об этом помету на документе. Но даже если на документе стоит помета писаря, это обычно не означает, что текст написан им собственноручно: дело в том, что писарь был канцелярским служащим,

⁴³ NB! В нашем первом томе, ВКЭ 2001, делалось наоборот: документ, имеющий только месяц, но не день, помещался в конце данного месяца.

в подчинении у которого могли находиться писцы, занимавшиеся непосредственным написанием документа: «писарь» не равнозначно «писцу». Однако в нескольких случаях — когда мы уверены в атрибуции почерка и если при этом личность писавшего имеет значение для истории текста — имя писца документа в публикации приводится.

Все канцелярские и иного рода пометы на документе даются в легенде с указанием на их положение, по возможности следуя порядку: сверху вниз и слева направо. В легенде приводятся сведения о копиях и вариантах документа, известных составителям (задача целенаправленного полного сбора этой информации нами не ставилась), и указания на литературу, если документ публиковался ранее.

При отборе иллюстраций для книги составители стремились в первую очередь показать образцы различных почерков, типов документов и оригинальных подписей.

При ссылках на документы, публикуемые в этом же томе, указывается только номер документа, например: «см. док. № 23».

Текстологические примечания отмечаются буквами латинского алфавита внизу страницы. Исторические комментарии отмечаются цифрами и стоят в конце каждого документа. При историческом комментировании мы, как и в наших предыдущих сборниках документов, даём подробный биографический комментарий только при первом упоминании имени в данном томе. Поскольку в именном указателе отмечено, на какой странице интересующее читателя имя упоминается в комментариях в первый раз, то мы надеемся, что найти нужную информацию будет не так сложно.

Основной принцип публикации — стремление передать язык как можно ближе к оригиналу и сохранить его колорит и особенности. Понятно при этом, что написание второй четверти XVIII в. настолько далеко от современного и настолько несистематизировано и неурегулировано, что нам приходится вводить некоторые правила для его передачи и таким образом «нормализовать». Ниже мы постараемся описать принятые нами правила передачи текста.

Мы вводим деление на слова, которое далеко не всегда присутствует в подлинниках. Этот фактор очень сильно зависел от уровня грамотности писавшего: у нас есть примеры писцов, писавших без деления на слова и предложения, без употребления знаков препинания и прописных букв, но есть и счастливые примеры (например, высокообразованные переводчики Академии наук) писавших по определённым правилам орфографии, с разбивкой на слова и предложения, с пунктуационными

знаками. Однако предлог в это время практически всегда писался слитно со следующим словом даже самыми грамотными людьми.

Буквы «ять», «юс», «кси», «пси», «омега», «фита», «и десятиричное» заменены на их современные аналоги. Буква «й» всегда пишется по современным правилам, во-первых, для ясности текста, во-вторых, потому что подавляющее большинство писцов того времени передавало йотированность, но графически выражало её по-разному, часто разнообразными диакритическими знаками. Буква «ъ», стоящая в конце слова (напр., «ботъ») и в конце строки при переносе слова (напр., «подълинный»), опускается. Но всегда сохраняется «ъ», стоящий в середине слова (для некоторых писцов характерно непомерное использование «твёрдых знаков» после согласных в середине слова, напр., «осьтановъка»). Особую сложность представляет мягкий знак, употреблявшийся писцами несистематически. Один и тот же писец в одной строке мог написать «большой» с мягким знаком, и тут же «болшой» без мягкого знака. В этих случаях мы передаём слово каждый раз так, как оно написано в оригинале. В некоторых случаях писец обозначал мягкость согласного акцентуальным значком типа апострофа («бол'шой»); если у нас нет сомнения в том, что писец сознательно употребил этот знак и это просто иное графическое изображение мягкости, то мы передаём его с мягким знаком: «большой». Но при опускании в строку выносного согласного, который требует после себя смягчения, мы не можем быть уверенными, хотел ли писец написать мягкий знак или нет. Поэтому мы в этом случае восстанавливаем «мягкий знак» в квадратных скобках, показывая тем самым, что это сделано нами (напр., бол[ь]шой). Если в оригинале отсутствует разделительный мягкий и твёрдый знак, то мы вводим его там, где он требуется по современным правилам для ясности понимания, и выделяем его квадратными скобками (напр., об[ъ]явление, д[ь]якон и т. п.).

Во второй четверти XVIII в. титла употреблялись только в небольшом количестве определённых слов типа «гос(у)д(а)рственный», «ч(е)л(о)в(е)к», «с(ы)н», «кн(и)га» и т. п., ошибиться в прочтении которых практически невозможно. Поэтому титла раскрываются нами без комментариев и без помещения вносимых в строку букв в скобки. Также без комментариев и графических обозначений опускаются в строку выносные буквы.

Числительные передаются так, как они написаны в документе: если цифрами — то цифрами, если словами — то словами. При передаче числительных словами мы по возможности следуем разбивке на слова в самом документе (напр., «семь десят»). Устойчивые сокращения денежных

единиц и единиц измерения нами унифицируются: в документе они могут сокращаться до одной буквы, до двух-трёх или писаться полностью; для сохранения ясности содержания мы передаём их общепринятыми сокращениями (напр., «руб.», «коп.», «фунт» и т. д. вместо встречающихся в документах «ру», «р», «ко», «к», «ф» и т. д.)

Пунктуация и деление на предложения для придания тексту ясности осуществляются по современным правилам русского языка. Всем публикаторам документов время от времени приходится сталкиваться с решением задачи расстановки знаков препинания во фразах типа «Казнить нельзя помиловать». Мы призываем читателя помнить, что расстановка пунктуационных знаков и деление на предложения отражают понимание и толкование текста публикаторами и могут быть субъективными, спорными, а то и просто неверными.

При употреблении прописной буквы в личных именах мы также для ясности обычно следуем современным правилам. Однако в отдельных случаях, если писец сознательно употреблял прописные буквы и это отражает его понимание (напр., Санкт Питер Бурх иногда бывает очень чётко написано в три слова, каждое с заглавной буквы), мы сохраняем написание оригинала.

Прямая речь в документах перв. пол. XVIII в. использовалась редко, и, кроме того, в это время не существовало способов её графического выделения (какими в современной орфографии служат двоеточие и кавычки, в которые заключается прямая речь). Чаще всего употреблялась косвенная речь, на которую обычно указывает частица «де». Именно благодаря частице «де» и употреблению 1-го, а не 3-го лица читатель мог различать, где собственные слова пишущего, а где чужие слова, которые пишущий пересказывает. В публикации мы оставляем косвенную речь в том виде, в котором она зафиксирована в рукописи, но вводим современную пунктуацию (двоеточие и кавычки) для обозначения прямой речи, которую некоторые авторы используют довольно много, передавая прямые слова говорившего.

Скобки как пунктуационный знак, выделяющий вставное предложение или вставную конструкцию, во второй четверти XVIII в. употреблялись только очень грамотными и образованными писцами. В таком случае чаще всего ставились не круглые скобки, как в наше время, а квадратные (изредка в этой же функции встречаются фигурные скобки). Но квадратные скобки в тексте у других писцов могут означать зачёркивание (напр., зачёркивание дважды повторённого слова или удаление при смысловом редактировании). Поэтому в текстологическом коммента-

рии мы обычно указываем, означают квадратные скобки в данном конкретном случае зачёркивание или являются пунктуационными знаками (конечно, только в том случае, если мы уверены в толковании).

Непрочтённые из-за дефектов рукописи фрагменты текста обозначаются отточием в квадратных скобках [...] и оговариваются в примечаниях. При сомнении в правильности прочтения того или иного слова после него ставится вопросительный знак в квадратных скобках [?]. Пропуски в тексте, сделанные писцом, обозначаются отточием в квадратных скобках и оговариваются в примечаниях: [...].

Очевидные описки, не имеющие смыслового значения (пропуски букв и слогов, повтор букв и слогов, замена одной буквы другой), исправляются без оговорок, но только в том случае, если прочтение не вызывает никаких сомнений и вариантов. Если же мы предполагаем, что в данном случае возможны варианты различного смыслового истолкования или описка кажется нам небезынтересной, то сделанное нами исправление отмечается в комментариях. Помета *«Так в рукописи»* принадлежит, несомненно, к числу наиболее субъективных текстологических комментариев и отражает индивидуальные представления составителя о том, какое слово будет легко понято читателем, а какое нет. В XVIII в. ещё не существовало чётко установленных орфографических правил, но тем не менее существовали определённые нормы написания. Так, один и тот же писец мог написать «паспорт», «пашпорт», «пачпорт», но это всё укладывается в рамки нормы и поэтому нами не комментируется. Если же в рукописи стоит: «пячпорт», то поскольку это выбивается из нормы и чтобы у читателя не возникло подозрений, что перед ним просто опечатка составителей, мы ставим помету *«Так в рукописи»*.

Решение об исправлении ошибочного написания принимается нами в зависимости от степени уверенности в правильности чтения и сообразно тому, насколько оправданным для понимания текста представляется нам исправление. Если смысл возможно восстановить, то ошибочное написание сохраняется, в примечании пишется: *«Так в рукописи»* и предлагается правильное чтение. В тех случаях, когда мы абсолютно уверены в том, как правильно должно выглядеть слово, оно указывается нами в самом тексте, а в текстологическом примечании указывается: *«Исправлено, в рукописи: ...»*. В третьем случае мы исходим из того, что читатель сам без труда может понять, какое слово имел в виду писец, и оставляем его без «расшифровки». В четвёртом случае мы не рискуем предлагать собственные толкования и оставляем слово под пометой *«Так в рукописи»* в том виде, в котором оно находится в тексте.

Помимо русских документов, которых в сборнике подавляющее большинство, в издание включены также документы на немецком языке, публикующиеся на языке оригинала с переводом на русский язык, — это док. № 47 и 116–131. Немецкая транслитерация док. № 47 сделана В. Хинтцше, а перевод на русский язык — Н. Охотиной-Линд. Немецкая транслитерация док. 116–131 делалась Лайфом Хернё (Копенгагенский университет) для книги Lind, Møller 1997. Перевод на русский язык док. № 116–131 осуществлён Н. Охотиной-Линд под редакцией Е. Е. Рычаловского, проводившейся при публикации писем в: Охотина-Линд 2004.

* * *

Составители считают своим приятным долгом выразить глубокую благодарность всем тем, кто советами, делами, организационной и финансовой поддержкой помогал нам в создании этой книги на всех этапах — от нашего первого появления в архивах и до работы с издательством. Как и предыдущие тома серии, подготовить к изданию и выпустить настоящий том в таком виде, в каком он лежит на столе перед читателем, нам никогда бы не удалось без помощи и поддержки многих организаций, фондов, коллег и друзей.

Пользуясь случаем, выражаем нашу искреннюю признательность научному фонду Карлсберг (Дания), вот уже на протяжении многих лет финансирующему наш проект по нахождению, изучению и изданию документов Второй Камчатской экспедиции.

Работа проводилась в стенах Восточноевропейского отделения Института межкультурных и региональных исследований Копенгагенского университета, Дания (Østeuropæisk afdeling, Institut for Tværkulturelle og Regionale Studier, Københavns Universitet, Danmark). Мы благодарим руководство университета за предоставление нам этой возможности.

Для нас также большая честь, что наши тома включены в фундаментальную серию публикаций «Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven» («Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов») под редакцией д-ра В. Хинтцше, издаваемую Фондом Франке (г. Галле, Германия).

В этой же серии уже появились три наши книги: первая книга вышла как т. IV, 1, охватывающий документы за 1730–1733 гг., вторая книга — т. VI, включающий документы за 1734–1736 гг., третья книга — т. IX, содержащий документы за 1737–1738 гг. (начиная со второй книги оформ-

ление обложки всех русских томов серии было приведено в соответствие с оформлением немецких томов).

Мы сердечно благодарим В. Хинтцше (Franckesche Stiftungen zu Halle) не только за его большую работу в качестве ответственного редактора тома, но и за его кропотливый труд по транскрибированию по нашей просьбе немецких текстов и постоянные консультации по многим научным вопросам.

Издание нашей книги стало возможным в значительной степени благодаря неутомимой энергии и деятельности директора Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПФ АРАН) д.и.н. И.В. Тункиной, которой мы глубоко благодарны за живое и непосредственное участие в судьбе этого тома. В нашей работе, как и прежде, большую роль сыграли консультации и советы наших многоуважаемых коллег и дорогих друзей — Т.С. Фёдоровой (РГАВМФ), Е.Е. Рычаловского (РГАДА), д.и.н. А.Х. Элерта (ИИ СО РАН, Новосибирск).

Большое удовольствие для нас сотрудничать с издательством «Нестор-История», выпускающим уже третью нашу книгу, и мы глубоко благодарны редакторам и сотрудникам издательства за их вдумчивое отношение к нашим сложным текстам и за их высокий профессионализм.

Мы приносим благодарность Лайфу Хернё (Leif Hørnø, Копенгагенский университет) за транслитерацию необыкновенно сложных и трудночитаемых немецких писем Берингов, которую он сделал по нашей просьбе в 1997 г.

Большую практическую помощь в работе над книгой оказал Дж.Х. Линд (Копенгаген), которому мы выражаем сердечную благодарность.

Мы также выражаем глубокую признательность сотрудникам всех архивов, в которых нам довелось работать при составлении этого тома: Российского государственного архива военно-морского флота, Российского государственного архива древних актов, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного музея Арктики и Антарктики — за их труд и помощь.

Мы надеемся, что книга окажется полезной и интересной читателям, несмотря на недочёты и промахи, которые в ней, несомненно, есть, как и в любой работе.

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

ДОКУМЕНТЫ
1739–1740

Морские отряды

1 **Рапорт Беринга Адмиралтейств-коллегии
о сложностях с заготовлением провианта, вызванных тем,
что местные канцелярии мало помогают Камчатской экспедиции
(3 января 1739 г.)**

(Л. 347) В Государственную адмиралтейскую коллегию
репорт

Указ Ея Императорского Величества из Государственной адмиралтейской коллегии, писанной марта 14-го дня 1738-го году¹ под № 812-м, в котором написано: в указе де ис Правител[ь]ствующаго Сената в коллегию написано, что ис^а Сената в Ыркуцкую провинциал[ь]ную и въ Якуцкую воеводскую канцелярии о скорейшем заготовлении и отправлении принадлежащих х Камчатской экспедиции матриалов и припасов, правианта, работных людей и протчего потвержено^б указом. И по требованиям нашим потребное к той экспедиции матриалы, припасы, правиант и работныя люди и протчая, что к той экспедиции принадлежит, отправлено было без всякого продолжения, дабы за чем во отправлении экспедиции ни малой остановки не возпоследовало, что все то взыскано будет на тех канцеляриях с немалым штрафом. И потому де Ея Императорского Величества указу определено в помянутыя канцелярии, и ко мне, и ко отправленному ныне от флота лейтенанту Дмитрею Лаптеву² послать указы: велеть канцеляриям потребныя к той экспедиции правианты, припасы и протчая заготовлять и отправлять, також и работных людей, к чему потребуютца, определить без всякаго замедления, а мне и лейтенанту Лаптеву требовани иметь от тех канцелярей и во всем исполнение // (Л. 347 об.) чинить, как оной, так и протчия указы повелевают неотменно, чтоб ни в чем нималого замедления и упущения времени не было, и что будет учинено, о том в коллегию присылать обстоятельныя репорты, — того ж 738-го году декабря 31-го дня я получил.

На которой Государственной адмиралтейской коллегии репортую: о поспешении во отправлении экспедиции неусыпное попечение имею, и впред[ь] по крайней моей возможности старатца буду, и всего подлежащаго ко экспедиции от канцелярей требую заблаговременно. Точию оныя канцелярии, невзирая на присланныя Ея Императорского Величества указы, и хотя что по требованием моим исполняют, точию весма с продолжением времени, а иного не исполня, имеют одне отговорки

^а Исправлено, в рукописи и Сената написано в одно слово и с одним «с».

^б Так в рукописи.

и излишняя переписка. Что ж ими и учено, в прошлом 737-м году декабря 29-го числа посланными от меня как в Иркутскую провинциал[ь]-ную, так и в Якуцкую воеводскую канцелярии промемориями требовано к вояжу нашему в морской правянт надлежащаго числа муки, на квас сухарей, круп, масла, на мясо ста скотин, також и впред[ь] на год заготовлено б было морского правянта, а скол[ь]ко чего и что где способнее приуготовлят[ь], о том сообщены табели.

И по тем моим требованиям оныя канцелярии не токмо чтоб исправили, но едва ответствия чрез год мог получит[ь]. А имянно Иркутская провинциал[ь]ная канцелярия промемориею, писанною июля 15-го дня, а полученной в Охоцке декабря 31-го дня 738-го году, ко мне об[ъ]явила: о заготовлении де оного правянта в Якуцкую // (Л. 348) воевоцкую канцелярию и к охоцкому камандиру указы посланы. А Якуцкая воеводская канцелярия промемориею ж, писанною октября 16 дня, а полученной в Охоцку декабря 31-го числа 738 году, об[ъ]явила: по требованию моему отправлено из Якуцка на дощениках в морской правянт сухари, крупа, мука на квас августа 31-го числа 738-го году, точию де те дощеники сентября 13-го дня того 738 году, не дошед до Майской пристани, остановились на Алданской заставе за малою водою и замерзли там [которой правянт за неспособным путем разве по нужде в осеннее время сего 739-го году к Юдомскому Кресту приплавлен быть имеет]^а.

А масла де коровья в продаже в Якуцке ни у кого не явился[ь], понеже де от воли Божии как у русских, так и у иноземцов скот едва не весь вымер. А на мясо де ста скотин определено было взять из описного за казенной начет из приему Сибирского гварнизона капрала Алексея Орехова за денги. Точию де оной капрал доношением об[ъ]явил: которой де скот описан и роздан был для зимняго времени в прокормления якутам от безсенницы, из оного описного скота померло быков сто одна скотина. А живых де осталось токмо четырнатцать скотин, и то весьма сухи и в Охоцк послат[ь] невозможно.

И по оным промемориям Государственная адмиралтейская коллегия изволит милостиво рассудить, какое помянутыя канцелярии о экспедиции имеют старание. И хотя и вподлинно б масла и скота на мясо прислать было за вышеписанным резонем невозможно, то должна бы оная Якуцкая воеводская канцелярия // (Л. 348 об.) о такой неспособности ко мне ответствовать не умедля. А я принужден был о присылке масла

^а *Взято в квадратные скобки писцом, соответствует современному употреблению круглых скобок.*

писат[ь] в Ыркуцкую правинцыалную канцелярию или нарочно б по-
слать из команды моей для покупки оногo масла. И тако во отправлени
подлежащаго во экспедицию чинитца остановка не от меня, и всего тре-
буетца от канцелярий заблагovремянно. А какое исполнение прежде во
экспедиции чинено, о том репортами моими Государственной адмирал-
тейской коллегии со обстоятельством предложено, також и впред[ь] какое
исправление чинитца будет, о том предлагать буду неукоснительно.

W.J. Bering³

клерк Никифор Захаров

В 3 де[нь] генваря 1739 году.

РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 347–348 об.

Подлинник, собственноручная подпись Беринга. На верхнем поле л. 347 канцелярская запись: «№ 3. Получен октября 1 дня 1739 году. Записать в журнал, внести в докладной регестр». На левом поле л. 347, перпендикулярно основному тексту, стоит исходящий номер: «№ 15». На нижнем поле л. 347 помета: «в журнале № 4017». Рапорт должен был публиковаться в сборнике А.И. Андреева (См.: Охотина-Линд 2003а. С. 194).

¹ 14 марта 1738 г. Адмиралтейств-коллегия послала указ Берингу с сообщением, что в Иркутскую и Якутскую канцелярии посланы соответствующие указы об оказании всяческой помощи Камчатской экспедиции со снабжением, и что для этой цели в экспедицию посылаются два комиссара (РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 339–340).

² Лаптев Дмитрий Яковлевич (20.01.1701 — 1771), начал службу гардемарином в 1718 г. и имел большой опыт плаваний по Балтийскому морю. Двоюродный брат другого участника Второй Камчатской экспедиции — лейтенанта Харитона Лаптева. Стал лейтенантом 19 марта 1731 г., 18 января 1733 г. был записан в лейтенанты майорского ранга. Несмотря на зачисление в Камчатскую экспедицию в 1733 г. (см.: ВКЭ 2001. № 115. С. 323), в 1734 и 1735 гг. он, судя по его послужному списку, продолжал

плавать на Балтике (Кронштадт, Ревель, Любек) (ОМС 1885. Ч. 1. С. 205–208). После смерти П. Лассениуса в устье р. Хараулах Дм. Лаптев в 1736 г. возглавил Восточно-Ленский отряд и на боте «Иркутск» продолжал исследование и описание берегов Северного Ледовитого океана к востоку от Лены и попытки обогнуть Чукотку. Возвратился из Камчатской экспедиции в 1743 г., служил до 1762 г., уволен в отставку в чине вице-адмирала (Башмаков 1941. С. 69–71; Яников 1953а. С. 99–110; Белов 1956. С. 315–327; Магидович 1984. С. 123–126; Лурье 2005. С. 138).

³ Витус Беринг (Vitus Jonassen Bering; в русских документах часто именовался Иваном Ивановичем Берингом, 1681–1741), капитан-командор. Родился в Дании в г. Хорсенсе, участвовал в морских плаваниях на голландских судах. В 1703 г. поступил на службу в российский флот, служил

на Азовском и Балтийском морях, участвовал в Северной войне. Руководитель Первой Камчатской экспедиции (1725–1730 гг.) и Второй Камчатской экспедиции (1733 — ок. 1743 гг.). Умер на острове, позже названном его именем, 8 декабря 1741 г. (За более подробной биографической информацией отсылаем читателей к многочис-

ленной литературе, например: ОМС 1885. Ч. 1. С. 40–42; Lauridsen 1885; Lauridsen 1889; Островский 1939; Возгрин 1975; Пасецкий 1982; Lind, Møller 1997; Frost 2003; Лурье 2005. С. 30–32; Møller, Lind 2008; Chaplin 2010. S. 243–259; Фёдорова 2011. С. 16–61. Библиографию см.: Møller 2003. P. 270–304).

2 **Доношение копииста А. Верхотурова канцелярии Охотского порта о том, что копиист Зуев вместе с лейтенантом Плаутиным подговаривали его подать донос на Скорнякова-Писарева в Камчатскую экспедицию (8 января 1739 г.)**

(Л. 744) В канцелярию Охоцкого порта¹
доношение

Минувшего 1738-го году ноября в последних числах был я, нижеименованный, в канцелярии Охоцкого порта для исправления писменных Ея Императорского Величества дел. А стоящей со мною на одной квартире копеист Иван Зуев был на квартире своей, и как я из оной канцелярии пришел // (Л. 744 об.) себе на квартиру, тогда сидели у меня Камчацкой экспедиции геодезист Никифор Чекин, да клерк Никифор Захаров, да команды Охоцкого порта за прапорщика Иван Картмазов, да Петр Березин, да с ними ж сидел ссыльной управляющей у господина капитана-командора Беринга писменные дела за писаря Михайло Худяков. И как оные Чекин и Картмазов с товарищи ушли, тогда из них Михайло Худяков остался в той нашей квартире. И Иван Зуев говорил мне^а, что де тот Худяков пришел от лейтенанта Михайла Плаутина² нас звать. Да при том же он, Зуев, мне говорил же, чтоб нам к нему, Плаутину, итит[ь], и подат[ь] на господина охоцкого командира Скорнякова-Писарева³ доношении в чинении им, господином охоцким командиром, в канцелярии Охоцкого порта дел непорядочно и противность Ея Императорского Величества указом и формы.

А о каких делах он, Зуев, мне говорил, о том имянно показано в поданном от нас минувшего 1738 году декабря 4-го дня в Камчацкую экс-

^а Мне *притисано писцом над строкой.*

педицию господину капитану-командору Берингу доношении⁴. И я на то ему, Зуеву, сказал: «Подать доношение не причино, токмо надо осмотритца, чтоб от того чего в вину нам не причлось». И тогда Михайло Худяков говорил нам: «Что де у вас?» И на то Зуев, указав на меня, ему сказал: «Вот де он трусит». И Худяков же говорил: «Вы де на охоцкого командира доношение токо подайте, а Плаутин де вас не оставит». А Зуев мне паки говорил, чтоб к показанному Плаутину я с ним пошел и ничего бы много не говорил, толко б посидел вечеринку.

И на то я им, Зуеву и Худякову, сказал, что я с ним, Зуевым, к нему, Плаутину, пойду. А Михайло Худяков тогда сказал: «Ныне де Плаутин сидит у господина капитана Чирикова⁵, а я де к вам приду в полночь и со мною де к Плаутину вместе пойдем». И то сказав, он, Худяков, ис той нашей квартиры ушел. И я тогда, сказав ему, Зуеву, притворную в себе болезнь, якобы угорел, и поужинав, лек спать. // (Л. 745) А в ту ночь показанной Худяков к Зуеву приходил ли и что у них разговору было ли, про то не знаю. А как я у него, Зуева, о том спрашивал, и он мне сказал, что он, Худяков, не бывал. А потом с неделю времени я по утрам, пока он, Зуев, спит, ища себе способа, чтоб как показанное на господина охоцкого командира доношение с ним, Зуевым, господину капитану-командору Берингу мне не подать, рано уходил в канцелярию Охоцкого порта и исправлял Ея Императорского Величества оной канцелярии дела. И о тех моих прежде Зуева в канцелярии Охоцкого порта приходах знают за копейца Александр Шубинской да служилой человек Иван Прянишников.

Да показанной же Худяков и вторично к нам приходил. И как он вошел в ызбу, тогда я ушел из избы вон и намерен был итит[ь] в канцелярию, а он, Худяков, з Зуевым пошли ис той избы за мною. И я от них прятался за анбар той нашей квартиры. И они, Худяков и Зуев, пошли х канцелярии вместе. И как уже доходили до канцелярии, тогда и я пошел х канцелярии ж, и они, Зуев и Худяков, дошед до канцелярии, Зуев пошел в канцелярию, а Худяков в квартиры Камчацкой экспедиции. И я ево, Зуева, спрашивал: что он с Худяковым говорил? И на то он, Зуев, мне сказал: «Приходил де он от Плаутина и зовет нас, чтоб подали на охоцкого командира доношение». И он, Зуев, призывал же меня неоднократно, чтоб я с ним пошел и показанному Плаутину и о написанных в показанном нашем на охоцкого командира поданном капитану-командору Берингу доношении делах, тол[ь]ко б я с ним, Зуевым, написал доношение. А по тем делам охоцкого командира уличать и доказывать на него хотел помимо меня он, Зуев. И паки он, Зуев, мне толковал же, что те дела

охоцким командиром чинены в противность Ея Императорского Величества указов.

И грозил меня он, Зуев, ежели я с ним // (Л. 745 об.) о тех делах на охоцкого командира капитану-командору Берингу доношения не подам, то он, Зуев, подаст на меня доношение же в том, что ведая я о тех делах, полнованию^а ево, Зуева, что они охоцким командиром чинены в противность Ея Императорского Величества указов, с ним, Зуевым, капитану^б-командору^с Берингу доношением не об[ъ]явлю. И я от того был опасен, чтоб он, вымысля ябеднически, составя на меня какое ложное доношение, яко младоумнаго человека, чем меня не повредил, и для того минувшаго ж 738 году декабря 3-го дня ввечеру по зъву^д вышеписанного Худякова, тако ж и Зуева из охоцкой часовни к показанному Плаутину принужден я был итить. И как мы в квартиру ево, Плаутина, пришли, тогда ево на квартире своей не было, а был обретающейся при нем, Плаутине, парусник Матвей Сермакса, и поил нас вином допьяна и велел нам ждать ево, Плаутина: «А он де сидит ластовых судов у мастера Макара Ругачева, и я де пойду ево звать», — которой и пошел. И пришед, нам сказал: «Приказал де вам подождать, а он де сам скоро будет». И после того спустя некоторое время, он, Плаутин, в квартиру свою к нам и пришел. И поя вином, говорил: «Что де у вас?» И на то Зуев ему, Плаутину, о вышепоказанных делах об[ъ]являл. И толковали те дела он, Зуев, с ним, Плаутиным, а потом и на меня он, Зуев, указал, чтоб и я о том же ему, Плаутину, об[ъ]являл. И я, боясь прежних вышеписанных ево, Зуева, угрозы, принужден был ему, Плаутину, о тех делах по толкованию ево, Зуева, сказывать.

И он, Плаутин, скочя с места, говорил, что де: «Мне вас ныне отпустит[ъ] невозможно, а велел де вас посадить под караул в казарму». И мы, боясь ево, Плаутина, чтоб он нас не посадил под караул, // (Л. 746) просили ево, чтоб о том написать доношение к поданию капитану-командору Берингу. И он, Плаутин, дал нам бумагу и чернилицу^е и из нас велел мне доношение писать. И я тогда был безъмерно пьян и не мог то доношение писать. И Зуев, взяв бумагу, то доношение черне и написал. И при том он, Плаутин, говорил нам: ежели о том мы правду написали, то он за нас старатца будет. И то доношение он, Плаутин, взяв себе и нас с собою,

^а Так в рукописи.

^б Капитану вписано другим пером над строкой.

^с Исправлено писцом из: командиру.

^д Так в рукописи.

^е Так в рукописи.

пошел к^а капитану-командору Берингу того ж 3 числа декабря ночью по полудни в первом на десят или во втором на десят часу, а подлинно не знаю, ибо тогда был я пьян, о чем и выше показано. И как мы пришли ко кърыл[ь]цу, тогда Плаутин нам велел стоять в сенях, а сам пошел с показанным черным доношением х капитану-командору. И малое время спустя оной капитан-командор, вышед в сени, говорил нам, что де: «Вас ныне отпустить невозможно». И то молвя, пошел возвратно себе в квартиру. И мы, пошед за ним, он, Зуев, и я, по толкованию ево, Зуева, о тех делах ему, капитану-командору, толковали. И он нас отпустил на квартиру и велел притит[ь] поутру, и то доношение, написав набело, себе подать. А то черное доношение отдал он, капитан-командор, показанному Плаутину и не велел нам отъдать, а велел держать у себя.

А того ж декабря 4 дня охочкой командир прислал к нам на квартиру сержанта Тимофея Брехова да служилого человека Ивана Каргаполова для взятья нас в канцелярию Охочкого порта. И как они нас звали^б, и мы во оную канцелярию и пошли. И идучи дорогою, Зуев мне молвил: «Ты де на ногах легок ли?». И я зьдогодался, что он, Зуев, говорит к тому, чтоб я побежал в Камчацкую экспедицию, и для того я с ним, Зуевым, и побежал. А того ж числа с показанного черного доношения, написав набело, // (Л. 746 об.) ему, капитану-командору, я з Зуевым при собрании в камисии Камчацкой экспедиции обер-афицеров и подали.

А того ж декабря 11 дня в канторе Камчацкой экспедиции присудствующий в комисии к разьсмотрению написанных в показанном нашем доношении дел господин капитан Чириков говорил мне, что де в том доношении утверждаютьца на меня, а на Зуева де, яко на ссыльного, утверждатца невозможно. И для того того ж декабря 28 дня в канторе Камчацкой экспедиции при собрании ж в камисии обретающихся в Камчацкой экспедиции обор-афицеров капитану-командору Берингу подал доношение, в котором о вышеписанных Зуева угрозьных словах и о призыве меня им, Зуевым, к Плаутину, и что он, Зуев, хотел помимо меня по написанным в показанном нашем доношении делам охочкого командира уличать и доказывать на него, и что ж в квартире лейтенанта Плаутина то доношение черне не писали, об[ь]явил и просил тем доношением, чтоб улики и доказател[ь]ства на охочкого командира по вышеписанным делам спрашивать помимо меня у него, Зуева. И по тому явно, что я по вышеписанному нашему доношению к улике и доказательстве охочкого

^а К вставлено составителями по смыслу.

^б Звали притисано писцом над строкой.

командира не причинен. А сего 739 году генваря 5 дня приказано мне чрез квартирмейстера Евдокима Федорова, чтоб мне готовитьца итить в Якуцк. И по тому можно видеть, что капитан-командор посылает меня в Ыркуцкую правинциал[ь]ную канцелярию, а для чего — про то я неизвестен, ибо по вышеписанному поданному от нас на охотского командира доношению к доказательству на него я не причинен, а причинен Зуев, о чем и выше показано, а кроме того другого касающагося до меня дела никакова я не знаю.

Того ради канцелярию Охотского порта покорно прошу, дабы указом Ея Императорского Величества повелено было из оной канцелярии в Якуцкую воевоцкую канцелярию писать, чтоб я до указу Ея Императорского Величества был в Якуцку удержан, ибо в даче // (Л. 747) под меня подводы и на них поверстных денег напрасной интересу Ея Императорского Величества убыток будет, за что не был бы я оштрафован, да и я ж бы, бедной, в такой дальней посылке, не получая долгое время Ея Императорского Величества жалованья и не имея к пропитанию себе пожитков, вконец не разорился, а в Якуцку имеютца мои ротственники, которые могут меня питать. А в Охотску б жене моей в зачет заслуженного мною в 737 и в 738 годах, тако ж и на нынешней 1739 год хлебного жалованья на пропитание ея по окладу моему, по чему канцелярия Охотского порта за благо разсудит, повелено ж было давать правиант. И с которых годов о выдаче на 737 год денежного и за хлеб денгами жалованья и доношение от меня в канцелярию Охотского порта подано минувашаго 1738 году в ноябре месяце.

О сем доносит и просит канцелярии Охотского порта копеист Андрей Верхотуров 1739 году генваря 8 дня⁹.

К подлинному доношению копеист Андрей Верхотуров руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 744–747.

Копия. Помета «Копия № 3» стоит перед началом документа на л. 744. По центрам внутренних полей идёт фрагмент скрепы «Секретарь Иван Дмитриев», а по нижним полям — фрагмент скрепы «канцелярист Василей Кострицкой».

¹ Первое зимовье на р. Охоте было построено в 1647 г., а первый острожек — в 1649 г. Охотский острог занимал выгодное географическое положение: удобное сообщение с Якутском по рекам; наличие двух рек, образующих общую лагуну,

куда могли заходить мелкосидящие морские суда; центральное положение в бассейне Охотского моря; возможность судостроения. Охотский острог не раз переносился с места на места из-за того, что берега легко подмывались. Охотск стал портом (т. е. там

строились и оттуда отправлялись корабли в плавание на Камчатку) с экспедиции морехода Трески 1716 г.; активно использовала базу Охотского острога и Первая Камчатская экспедиция (Алексеев 1958. С. 6–42). Штат управления Охотским портом состоял из 11 человек: командира, воеводского товарища, секретаря, трёх канцеляристов, четырёх копиистов и одного сторожа (Власть в Сибири 2005. С. 90).

² Плаутин Михаил Григорьевич († 1741 г.). В 1719 г. учился в Морской академии, в классе геометрии. В 1733 г. назначен в Камчатскую экспедицию штурманом в ранге от флота лейтенанта. В мае 1736 г. был разжалован на 2 месяца в матросы (См.: ВКЭ 2009. № 186. С. 539–544). В 1736–1737 гг. участвовал в плаваниях в Северном Ледовитом океане в отряде Дм. Лаптева. В 1741 г. был в плавании к берегам Америки на «Св. Павле» под командой Чирикова. Скончался на обратном пути «Св. Павла» к Камчатке 8 октября 1741 г. (ОМС 1885. Ч. 2. С. 323; Фёдорова 2003. С. 33–49).

Плаутин был одним из наиболее плодовитых писателей доносов в Камчатской экспедиции. Его перу принадлежат многочисленные доносы на Беринга и других участников экспедиции, а также на Скорнякова-Писарева, особенно после драматической ссоры с последним в Якутске в ноябре 1734 г. (см. ВКЭ 2009. № 68. С. 149–153; № 83. С. 222–223). Его доносы написаны живым, образным языком, кинематографично передают события и в силу этого служат блестящим историческим источником. В то же время из чтения этих документов становится ясно, что мнения и оценки Плаутина в высшей степени субъективны (см. более подробно: ВКЭ 2009. № 68. Комм. 7. С. 152–153). Доносы Плаутина сыграли большую роль в формировании негативного отноше-

ния Адмиралтейств-коллегии к Берингу. Плаутин не сразу поссорился с Берингом, как считает Т.С. Фёдорова (Фёдорова 2003. С. 37–40). Напротив, в начале, во время конфликта со Скорняковым-Писаревым, он видел в нём и в других офицерах Камчатской экспедиции своих защитников и сторонников (ВКЭ 2009. № 87. С. 227–229; № 88. С. 229). Уже позже его гнев и раздражение обратились на Беринга, при этом на голову Беринга он выливал всю грязь, какую он только мог найти или придумать (ВКЭ 2009. № 105. С. 283–298; № 106. С. 299–305; № 176. С. 505–511; № 177. С. 511–517). Доносы Плаутина серьёзно отразились и на личной судьбе Беринга, и на истории Камчатской экспедиции. Хотя предполагавшееся расследование по доносам Плаутина так никогда и не было проведено, но Адмиралтейств-коллегия приняла на веру обвинения Плаутина; во всяком случае, вопрос об их достоверности и объективности никогда не ставился. Сведения доносов Плаутина на Беринга зачастую некритично используются и в современной литературе как неопровержимый факт, который пишущие не подвергают анализу или сомнению (один из недавних примеров: Богданов 2001а. С. 67–75). На губительную роль несправедливых доносов на Беринга и для формирования общественного мнения в середине XVIII в. и для историографии обращал внимание и А.А. Сопocko (Сопocko 1983. С. 28–34). Собственно говоря, сама Адмиралтейств-коллегия (в отличие от некоторых историков) довольно скоро изменила своё мнение. Рассмотрев и изучив аргументы Беринга, Адмиралтейств-коллегия пришла к выводу, что Камчатская экспедиция затянута по вине местных канцеляристов, не обеспечивших экспедицию продовольствием, а не из-за лености Беринга (ВКЭ 2013. № 164. С. 815–821).

³ Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (Писарев; Экиматов-Писарев; р. в 1675 г., ум. после 1752 г.) происходил из старинного дворянского рода, но начал свою службу солдатом, как и было принято в петровское время. Изучал математику и механику за границей, в течение 20 лет был бомбардиром Преображенского полка, участвовал во всех крупных действиях русской армии с 1700 по 1713 г. и, видимо, весьма успешно, так как Петр I ценил его инженерные и военные таланты. Он был одним из наиболее талантливых инженеров по фейерверкам петровского двора, которые царь очень ценил. В 1722 г. им была создана первая русская «Наука статическая, или механика» (см. более подробно о его писательском творчестве: ВКЭ 2009. № 68, 69. С. 149–157). Взлёту своей карьеры Скорняков-Писарев обязан участию в двух поручениях: сначала в 1718 г. Пётр поручил ему «розыск» над опальной царицей Евдокией. Вслед за этим Скорнякову-Писареву доверяется участие в розыске над царевичем Алексеем, его подпись стоит под смертным приговором царевичу, он участвовал в допросах. На гражданском поприще Скорняков-Писарев исполнял значительно менее успешно поручения по устройству школ, Морской академии, навигационной школы и т. п., а также строительство Ладожского канала, за что в конце концов навлек на себя немилость императора. Скорняков-Писарев был обер-прокурором Сената и помощником Ягужинского, но после его знаменитой ссоры в Сенате с вице-канцлером Шафировым в 1724 г. Петр I назвал его поведение «незаконным и неприличным». В конце концов Скорняков-Писарев пал жертвой политических интриг между «птёнцами гнезда Петрова»: в последние дни жизни и правления императрицы Екатерины I находившийся в зените своей власти князь

А.И. Меншиков узнал, что существует группа недовольных (генерал-полицеймейстер Девиер, Бутурлин, Скорняков-Писарев), противящихся плану Меншикова выдать свою дочь замуж за царевича Петра и справедливо опасаящихся, что в таком случае вся власть окажется в руках светлейшего князя. Меншиков жестоко разделался со своими противниками, сослав их всех в 1727 г. в Сибирь (Соловьёв 1993. Кн. 10. С. 71–80; РБС 1962. Т. 18. С. 603–608; Алексеев 1958. С. 42–47; Анисимов 1994. С. 132–143). Скорняков-Писарев был отправлен в Жигайское (или Жиганское) зимовье в низовьях Лены. Назначение начальником Охотского порта не освобождало его от ссылки (амнистию он получил только при восшествии на престол Елизаветы I в 1741 г.), — и это как раз интересная особенность сибирской жизни первой половины XVIII в., где ссыльные легко занимали высокие административные должности (Сафронов 1975. С. 18–25). Должность начальника правления Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев занимал с 1731 по 1740 г. В 1732 г. он был отстранён от этой должности, но быстро на ней восстановлен. Основная идея назначения его на эту должность заключалась в том, что он должен был помогать организации Камчатской экспедиции и заботиться об улучшении жизни на Дальнем Востоке. Однако ему не удалось сделать ни того, ни другого, более того, Скорнякова-Писарева можно назвать «злым гением» Камчатской экспедиции. Он не только отнимал массу времени и нервов у Беринга и Шпанберга на бесконечные пререкания с ними, но и умудрялся ссорить между собой участников экспедиции, при этом реально не сделав ничего в Охотске сам. Отношения между Писаревым и участниками Камчатской экспедиции не были плохими с самого начала.

Вначале они были вполне деловыми и конструктивными, но на протяжении 1735–1736 гг. они постепенно, буквально день за днём портились, чтобы под конец вырасти в настоящую войну. С поста начальника Охотского порта Скорняков-Писарев был смещён только в сентябре 1740 г., тогда же он был сразу арестован новым начальником Антоном Девиером (см. док. 28, 196, 223, 225, 226). Скорняков-Писарев получил возможность отомстить Камчатской экспедиции позже, когда он опять был в чести и жил в Петербурге. В 1743 г., когда Сенат решал вопрос, следует ли продолжать работу Камчатской экспедиции или прекратить её за убыточностью и бесполезностью, Скорняков-Писарев был приглашён в качестве одного из «консультантов» (см., напр.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 20. Кн. 1327). Естественно, добрых слов в защиту экспедиции у него не нашлось.

См. более подробно о его жизни и деятельности: Сгибнев 1869. С. 15–33; Зуев, Миненко 1992. С. 45–63; Серов 1996. С. 40–47, 81–88; Серов 2000. С. 101–105; ВКЭ 2001; Серов 2008. С. 70–72, 100–103, 124–131, 151–158; ВКЭ 2009, ВКЭ 2013.

⁴ Донос Верхотурова и Зуева Берингу на Скорнякова-Писарева от 4 декабря 1738 г.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 171–172; РГАВМФ. Оп. 1. Д. 24. Л. 1315–1316. Одним из результатов этого доноса явилось то, что Скорняков-Писарев 5 декабря 1738 г. жестоко избил беременную жену Зуева Катерину (ВКЭ 2013. № 158. С. 799).

⁵ Чириков Алексей Ильич (13.12.1703–24.05.1748), капитан. Закончил в 1721 г. Морскую академию, потом преподавал там в 1721–1725 гг. Современники отмечали большие знания Чирикова и способности навигатора, однако он не обладал таким большим опытом плаваний, как многие другие

офицеры Камчатской экспедиции. Участник Первой Камчатской экспедиции в ранге лейтенанта. В 1732 г. произведён в капитаны 3-го ранга и назначен во Вторую Камчатскую экспедицию. Чириков был заместителем Беринга наравне со Шпанбергом. В советской историографии эпохи «борьбы с космополитизмом» Чирикову приписывалась чересчур большая роль в руководстве Камчатской экспедиции, а сама экспедиция часто называлась «экспедицией Беринга — Чирикова». В современной исторической литературе принят более уравновешенный взгляд на его значение, при этом полностью отдается должное его заслугам. С самого начала планирования Второй Камчатской экспедиции Чирикову предписывалось наравне с Берингом совершить плавание к берегам Америки (ВКЭ 2001. № 49. С. 165–167). Командуя пакетботом «Св. Павел», Чириков в 1741 г. первым достиг американского берега и описал ряд островов Тихого океана. Отношения между Чириковым и Шпанбергом (да и Берингом) были натянутыми, он тяготился своим пребыванием в Камчатской экспедиции и неоднократно просился в Петербург (см. многие документы в настоящем томе). Но в Петербург Чириков смог вернуться только после окончания Второй Камчатской экспедиции. Скончался он в 1748 г. в ранге капитана-командора. Более подробно см. многочисленную литературу, например: ОМС 1885. Ч. 1. С. 414–415; Лебедев 1951; Дивин 1953; Глушанков 1986; Fisher 1992. P. 37–50; Шопотов 1995; Лурье 2005. С. 301–302. Библиографию см.: Møller 2003. P. 270–304.

⁶ Около 9 января 1739 г. Скорняков-Писарев послал Берингу промеморию об освобождении арестованных жён Верхотурова и Зуева (РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 748 об.–751 об.). См. также док. № 3 и № 9.

3 **Дополнительное доношение копииста А. Верхотурова
в канцелярию Охотского порта об обстоятельствах подачи
доноса на Скорнякова-Писарева в Камчатскую экспедицию
(8 января 1739 г.)**

(Л. 747) В канцелярию Охоцкого порта
доношение

Сего 8 дня генваря 1739-го году подал я, нижеименованны, во оную канцелярию о угрозных словах Ивана Зуева, и о призыве Зуева и меня Михайлом Худяковым к лейтенанту // (Л. 747 об.) Михайлу Плаутину, и о прочем доношение¹. А ныне в пополнение к тому доношению сим об[ъ]являю, а имянно: первое, вышеписанной Зуев прежде подания господину капитану-командору Берингу на господина охоцкого командира Скорнякова-Писарева доношения говорил мне, что де: «То доношение подадим мы, утая от охоцкого командира, чтоб он о том прежде времени не сведал. А хотя де сведает, то де Плаутин нас не оставит и в обиду де ему не даст». А с какова с ним, Плаутиным, случая или собою он, Зуев, те слова мне говорил, того я не знаю.

Второе: минуваго 1738 году декабря 11-го дня при собрании в комиссии обретающихся в Камчацкой экспедиции обор-афицеров призыван был я в кантору оной экспедиции и спрашиван словесно шхипером Иваном Белым² в том, что в черном нашем доношении, которое писал в квартире лейтенанта Плаутина помянутой Зуев, между прочим написано было, что охоцкой командир писал в Правительствующий Сенат, в Сибирской приказ и в Ёркуцкую правинциальную канцелярию, что де о нынешней Камчатской экспедиции не надеетца, чтоб какая полза государственная была, и можно де одному порутчику или штюрману то ж учинить, что намерен учинить капитан-командор, чего для то вычернили и в белом доношении не написали? И я на то сказывал: «То вычернил Зуев, говоря мне: про Федота де Наумова помниш[ъ] ли?» А в том же декабре месяце, а в котором числе — не упомяну, при собрании ж в комиссии обор-афицеров в показанной канторе призыван же был я, и как я пришел, тогда господин капитан Чириков ис той канторы вышел вон и пошел себе на квартиру. И без него спрашиван же я о вышеписанном писании охоцким командиром на Камчатскую экспедицию, чего для // (Л. 748) то вычернили? И на то я сказал, что де то вычернил Иван Зуев, говоря: «Помниш[ъ] ли де про Федота Наумова?» Да и для того не писали, что то писано на нынешнюю Камчатскую экспедицию и на капитана-командора Беринга. И о том, яко о своем деле, к поданию ему писать нам

показалос[ь] неприлично, да и черное доношение писали мы про себя, а не для подачи. И усмотря, что то писать показалос[ь] нам неприлично, в белом доношении не писали. И тот допрос писал ссыльной, определенной писарем, Иван Редин, которому хотя капитан-командор и велел писать то, что я сказывал, но он, Редин, при нем же, капитане-командоре, толко написал о неприличестве того нам писать в доношении к пода нию капитану-командору Берингу, а прочего ничего не писал, говоря, что в тот допрос писать неприлично, х которому, боясь капитана-командора, чтоб он не злобствовал на меня за то, что в том я буду спорить, принужден был руку приложить.

Третье: писал я на охощкого командира черное ж доношение в канцелярию Охощкого порта, которое осталос[ь] во оной канцелярии, и то писал я по веленью Зуева, ибо он, Зуев, говорил мне, что де: «Которое черное наше доношение имеетца у Плаутина, того де нам может быть не отъдадут, и мы де напишем здесь и того ж дня вечером капитану-командору подадим». И то доношение вычернивал он, Зуев, а в том черном доношении пятой пункт вычернил он же, Зуев, а с согласия ли ково или собою, того я не знаю.

И о вышеписанном сим доношением об[ь]являю: канцелярии Охощкого порта копеист Андрей Верхотуров.

Генваря 8 дня 1739^а году.

К подлинному доношению копеист Андрей Верхотуров руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1361. Л. 747–748.

Копия. Помета «Копия № 4» на л. 747 перед началом документа.

По центрам внутренних полей идёт фрагмент скрепы «Секретарь Иван Дмитриев», а по нижним полям — фрагмент скрепы «канцелярист Василей Кострицкой».

¹ Док. № 2. См. также рапорт Беринга Сенату от 23 января 1739 г. — док. № 9.

² Шкипер Иван Белый (или Белой) участвовал в Первой Камчатской экспедиции в качестве матроса. Видимо, Беринг высоко ценил его деловые качества, поскольку в итоговом рапорте от 10 марта 1730 г. он специально ре-

комендовал Адмиралтейств-коллегии произвести И. Белого в подшкиперы «за прилежную службу и за труды» (Русские экспедиции 1984. № 57, 59. С. 87–90). Во Вторую Камчатскую экспедицию Белый был назначен по просьбе Беринга (ВКЭ 2001. № 84. С. 259–260).

^а Исправлено; в рукописи ошибочно стоит 1738 — типичная описка начала января.

4 **Рапорт Адмиралтейств-коллегии Сенату об отправлении
в Сибирь для ускорения работы местных администраций
Толбугина и Ларионова в качестве комиссаров
Камчатской экспедиции
(16 января 1739 г.)**

(Л. 431) В Правительствующий Сенат
из Адмиралтейской коллегии
репорт о действительном исполнении
по присланному указу

В 738-м году августа от 7 дня по Ея Императорского Величества присланному ис Правительствующаго Сената во оную коллегию указу¹ велено х Камчатской экспедиции для потребных ко оной исправленей от-править в Якуцк и Иркутцк от флота лейтенантов Василья Ларионова², Гаврила Толбугина³. А каким образом, будучи им тамо, поступать, дать ис коллегии инструкции.

И на оной указ Правительствующему³ сентября 13 числа 738 году коллегия доносила⁴ с представлением резонов, дабы их по старшинству и по линии в показанные места отправить с повышением ранга в капитаны. И о том, такожь о подтверждении в надлежащие места послушными указами и о даче им с прочетом указов же, требовано от Правительствующаго Сената указу, точию не получено. И за тем им отправления было не учинено.

А имеющей в той экспедиции капитан-командор Беринг представлял, что для надлежащаго капитану Шпанберху⁵ походу суды построены и на воду спущены в 737-м году июля 7 да 19 чисел // (Л. 431 об.) и имелись совсем в готовности, точию за неимением в Охоцку надлежащаго числа правианта июня по 18 число 738 году в поход отправлен он не был⁶. Да и ныне представляет, что за умалением в Охоцку правианта всемерно в нынешнем 739 году принужден будет всех людей распустить, ибо ему за дальностию от Якуцка о перевоске правианта старания иметь невозможно. А положено то отправление на Якуцкую канцелярию, и продолжение де во экспедиции чинитца за неимением показанного правианта и от протчих недостатков, что все надлежало отправлять тамошним канцеляриям и охоцкому командиру Скорнякову-Писареву, но от них происходят толко одни переписки, а в перевоску правианта и протчаго охоцкой командир не вступает.

¹ Так в рукописи. Писцом пропущено: Сенату.

А ежели б ожидать их перевоски, то бы всемерно и поныне экспедиции и зачину не было.

К тому ж, хотя поданными в Правительствующий Сенат сентября 28 736, апреля 6 и декабря 20 чисел 737 годов⁷ з доношениями коллегия представляли, дабы помянутого Скорнякова-Писарева повелено было оттуда переменить, чтоб более от него помешательств и крайних остановок или наипаче самых препятствий в произвождении оной экспедиции не происходило, // (Л. 432) токмо на оные доношения об отрешении ево точного указа не получено.

Чего ради по посланному из Адмиралтейской коллегии к помянутому лейтенанту Ларионову [которой следует сюда ис Казани з дубовыми лесами]^а указу велено ехать ему в Санктпите^рх^б без всякого замедления, которой по прибытии и по удовольствию по силе вышеписанного сенатского указа не в зачет годовым жалованьем с надлежащею инструкциею отправлен будет въ Якуцьк немедленно⁸.

А в Архангелогороцкую кантору над портом и к лейтенанту Толбугину посланы указы и при том сообщена к нему инструкция жь и велено, выдав ему не в зачет же на год по окладу ево жалованье и удовольствовав подводами и прогонами, отправить отсюда надлежащим трактом, как способнее прямо в Ёркуцк без всякого задержания. А по прибытии въ Якуцк и в Ёркуцк велено им во всем исправление чинить и в понуждении тамошних канцелярей поступать, как в тех инструкциях определено, неотменно.

// (Л. 432 об.) О чем Правительствующему Сенату оная коллегия доносит во извесьтие и просит, дабы по преждепосланному сентября 13 числа 738 году доношению о скорейшем отправлении правянта и потребных ко экспедиции матриалов, и припасов, и всего, что к той экспедиции надлежит, в Сибирскую губернскую, в Ёркуцкую провинциальную, въ Якуцкую воевоцкую канцелярии, а паче к охоцкому командиру Скорнякову-Писареву подтверждено было ноикрепчайшими ис Правительствующаго Сената указами⁹, чтоб во всем им, Ларионову и Толбугину, были послушны и по требованиям их самым действием исполняли без всяких отговорок, не имея в том, как прежде чинялос[ь], напрасных переписок и продолжений времени. Також бы и им, Ларионову и Толбугину, о всем о том даны были из Сената ж с прочетом указы ж, дабы оне по тем указом во исправлении всего вящее понуждение чинить могли.

^а *Взято в квадратные скобки писцом; соответствует современному употреблению круглых скобок.*

^б *Так в рукописи. Имеется в виду: Санктпите^рбурх.*

А от коллегии о том же отправлении и о исполнении по требованиям оных лейтенантов во всем неотменно в те ж // (Л. 433) Якуцкую и Иркутскую канцелярии¹⁰ указы посланы генваря 16 дня 1739 году.

князь Василей Урусов¹¹
секретарь Борис Никитин¹²
канцелярист Иван Путилин

РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 431–433.

Подлинник, собственноручные подписи. В верхнем левом углу л. 431 стоит канцелярский номер: «№ 13». В нижнем левом углу л. 431 сделана помета: «Сей репорт из Сената возвращен с таким приказом, что во оном репорте сенатской указ прописать точно, что и учинено и каков подан в Сенат репорт, то явствует». Подпись «секретарь Борис Никитин» разбита в виде скрепы по центрам боковых полей листов, но заканчивается на л. 433, под окончанием документа.

¹ Указ Сената Адмиралтейской коллегии о назначении Толбугина и Ларионова комиссарами в Камчатскую экспедицию: РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1366. Л. 313–313 об; РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 377–377 об. Историю назначения двух комиссаров в Камчатскую экспедицию см: ВКЭ 2013. Док. № 59, 79, 91, 131. С. 391–400, 500–502, 546–548, 696–698.

² Ларионов Василий Иванович (1699 – † после 1764 г.). Окончил в 1719 г. Морскую академию, участвовал в Северной войне. До назначения во Вторую Камчатскую экспедицию служил начальником нескольких морских портов. С 1739 по 1741 г. находился в Якутске и занимался вопросами снабжения Второй Камчатской экспедиции. В ноябре 1740 г. назначен советником экипажной экспедиции; в 1743 г. в этой должности возвратился из Якутска в Санкт-Петербург. Уволен от службы с чином адмирала в 1764 г. Ларионов был автором «Записок о строении Российского флота, корабельных лесах и водяных сообщениях» и проекта соединения водным путём Петербурга и Архангельска

(ОМС 1885. Ч. 1. С. 208–210; Лурье 2005. С. 140).

³ Толбугин (Толбухин) Гавриил († 1742 г.). Поступил на службу гардемаринном в 1717 г., участвовал в Северной войне, служил в Астраханском и Архангельском портах. С 1739 и, вероятно, до своей смерти в 1742 г. находился в Иркутске и Охотске и занимался снабжением Камчатской экспедиции. В 1740 г. произведён в капитаны полковничьего ранга (ОМС 1885. Ч. 1. С. 371–372).

⁴ Доношение Адмиралтейств-коллегии Сенату о назначении Толбугина и Ларионова комиссарами в Камчатскую экспедицию: РГАДА. Ф. 248. Оп. 21. Кн. 1366. Л. 317–317 об; РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 380–381 об.

⁵ Капитан Мартин Шпанберг (1696–1761; Мартын Петрович, Шпанберх, Spangberg, Spangenberg). Родился 31 декабря 1696 г. в Дании, в южной Ютландии (из-за туманных указаний источников однозначно определить место его рождения затруднительно, несколько населённых пунктов претендуют на роль его родины — см. более подробно: Мёллер, Хинтцие 2003.

С. 186–195). Поступил на службу в российский флот в 1720 г., плавал в Балтийском море, в том числе на первой регулярной пассажирской линии между Петербургом и Любеком. В ранге лейтенанта участвовал в Первой Камчатской экспедиции. В 1730 г. произведён в капитаны 3-го ранга, а 5 января 1731 г. назначен во Вторую Камчатскую экспедицию. Наравне с Чириковым он был заместителем начальника экспедиции (что после смерти Беринга породило конфликт на почве того, кто из капитанов-заместителей станет его преемником). На Шпанберга была возложена задача найти морской путь из России в Японию, которую он и выполнил с успехом во время плаваний 1738, 1739 и 1742 гг. Помимо этого, на Шпанберге лежала ответственность за всё необыкновенно сложное хозяйственное и материальное снабжение экспедиции: за строительство судов и жилищ; заготовку и перевозку продовольствия, оборудования, оснащения и всего необходимого; подбор ремесленников и других работников и контроль за их работой. Ему приходилось иногда заниматься и более необычными для морского капитана делами: взимать ясак с местного населения, собирать недоимки с крестьян, вести следствие и вершить суд в Охотском порте. После окончания Камчатской экспедиции судьба Шпанберга сложилась не очень удачно. В 1745 г. он был предан суду «за самовольное возвращение из Сибири» и по многим другим проступкам, в которых он обвинялся. В 1749 г. он опять попал под суд, после того как в Архангельске опрокинулось судно, которым он командовал. Только в 1752 г. Шпанберг был признан по суду невиновным по всем обвинениям. Умер 26 сентября 1761 г. в Кронштадте. Был женат на «Марин

Андреевне», как её называют русские источники. Имел сына Андрея, участвовавшего вместе с ним в плавании 1742 г. и описывавшего Авачинскую бухту в 1739 г., и дочь Анну, вышедшую замуж за врача Филипа Вильгельма Буцковского, участника обеих Камчатских экспедиций (ОМС 1885. Ч. 1. С. 427–429; Lind, Møller 1997; Fjodorova etc. 1999; Fjodorova etc. 2002; Лурье 2005. С. 315–316).

⁶ См. ордер Беринга Шпанбергу от 21 сентября 1737 г. о переносе японского вояжа на следующий год из-за неготовности провианта: ВКЭ 2013. № 42. С. 231.

⁷ Доношение Адмиралтейств-коллегии Сенату от 20 декабря 1737 г. с просьбой сместить Скорнякова-Писарева с поста начальника Охотского порта — ВКЭ 2013. № 66. С. 427–436.

⁸ Указ Адмиралтейств-коллегии Ларионову ехать в Якутск от 11 января 1739 г.: РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 409–409 об.

⁹ Указы Сената местным администрациям от 17 января 1739 г.: РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 444–444 об., 445–445 об.; РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 37. Л. 61–67.

¹⁰ Указ Адмиралтейской коллегии Иркутской провинциальной канцелярии от 12 января 1739 г. об оказании содействия Ларионову и Толбугину — РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 410–411 об. См. также запись об этом в протоколах Адмиралтейств-коллегии от 12 января 1739 г. (Материалы 1880. С. 521–522).

¹¹ Князь Василий Алексеевич Урусов, контр-адмирал, с 1732 г. советник Адмиралтейств-коллегии, с 1733 г. директор Морской академии, в 1739 г. назначен руководителем Оренбургской экспедиции (ОМС 1885. Ч. 1. С. 381–382).

¹² Борис Никитин — секретарь Адмиралтейств-коллегии.

**5 Письмо профессора Гмелина Берингу
об определении жалования служилому М. Попову,
ведущему в Охотске метеорологические наблюдения
(18 января 1739 г.)**

(Л. 319) Высокоблагородны господин
капитан-командор Беринг

Сего генваря 10 дня получено нами от Вашего высокоблагородия из Охоцка письмо от 14 дня марта прошлаго 1738 году¹, в котором написано: прошлаго де 738 году генваря 31 дня Охоцкого правления служивой Михайло Попов поданным доношением к Вашему высокоблагородию об[ъ]явил: определен де он от командира Охоцкого правления к учинению метеорологических наблюдений, при котором деле и поныне обретается. А хлебного де жалованья прошлаго 737 году сентября с 1 числа ниоткуда ему, Попову, дачи не было. А хотя де у охоцкого командира о провианте просил, токмо де отказал, а сказал, что де: «Ты у меня не в команде // (Л. 319 об.) и дачи де тебе не будет». И за неполучением де онаго жалованья претерпевает с женою и с детьми голодную нужду. И просил де тем доношением, чтоб учинено было рассмотрение. И по тому де ево доношению, видя такую нужду, определили Ваше высокоблагородие выдать от экспедиции муки четыре пуда, а когда де в привозе будет в Охоцку экспедиционной провиант, тогда де выдастся ему, Попову, с вышеозначеннаго числа, а имянно сентября с 1 числа прошлаго 737 году, и за прошлой же 738 год по окладу ево весь сполна. И того де будет ему, Попову, в даче провианта со онаго сентября с 1 числа по нынешней 739 год тридцать восемь пуд дватцать^а четыре фунта.

Того ради, Ваше высокоблагородие, требуется, чтоб нам оное число провианта возвратить к экспедиции обратно, понеже де Вам ево, Попова, довольствовать провиантом не подлежит, ибо де он определен ко оному делу по нашему требованию. И впредь чтоб де о присылке ему, Попову, как хлебного, так и денежнаго жалованья, також и за прошлой 738 год о денежном жалованье иметь Вам старание, дабы де он, Попов, будучи у онаго дела в таком безхлебном месте, не претерпел нужды. А оклад де ему, Попову, // (Л. 320) хлебного жалованья муки по два пуда по шестнатцати с половиною фунта в месяц, а денежнаго^б де по семи рублей в год. И оное де жалованье из Якуцка ли нам присылать или требовать

^а *Исправлено; в рукописи: дватцатцать.*

^б *Так в рукописи.*

от Охоцкого правления, в том изволите полагаться на наше разсуждение. И сего ж генваря 10 дня получено ж нами из Охоцка от определенного для чинения метеорологических наблюдений охоцкого служиваго Михаила Попова доношение, писанное прошлаго 1738 году августа 8 дня, в котором он то ж об[ъ]являет, что в письме Вашего высокоблагородия написано, и что де он по вышеписанное число получил по определению Вашему экспедицнаго провианта девять пуд.

И сего ж генваря 18-го дня писано от нас в Иркутскую провинциальную канцелярию промемориею и требовано, понеже по нашему мнению надлежит вышепоказанному служивому Попову производить денежное и хлебное Ея Императорскаго Величества жалованье от канцелярии Охоцкого порта, ибо он, Попов, не числится в нашей команде. И в которых сибирских городах оставлены от нас метеорологические инструменты, а ко оным наблюдениям определены из офицерства, из детей боярских, из подьячих и служивых, и оные наблюдатели всегда пребывают в штате // (Л. 320 об.) и в жалованной даче у тех команд, в которых они прежде были. И оное их, наблюдателей, жалованье не ставится на наш щет, ни на щет Камчатской экспедиции, понеже метеорологическия наблюдения чинить определено токмо на время, и оным наблюдателям можно при каждой команде приказать и иные дела, от которых им в метеорологических наблюдениях препятствий не будет.

А которое хлебное жалованье показанному Попову в дачу произведено от Камчатской экспедиции, оное надлежит возратить во оную экспедицию от Охоцкого правления. Того ради чтоб соблаговолено было из Иркутской провинциальной канцелярии к охоцкому командиру послать о вышеписанном указ, также и к Вашему высокоблагородию о том для ведома отписать, дабы впредь за недачею оному Попову как денежнаго, так и хлебнаго жалованья в приказанных ему метеорологических и прочих наблюдениях остановки не было.

Из Енисейска, генваря 18 дня 1739 году.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 25. Л. 319–320 об.

Копия. Под документом не поставлена подпись, но под другими документами в этой подборке копий стоит подпись: «Доктор и Академии наук профессор Иоанн Георг Гмелин²». На этом основании можно сделать вывод, что и данный документ был подписан Гмелиным. На л. 319, перед началом документа, стоит канцелярский номер: «№ 19».

¹ Письмо Беринга профессорам Камчатской экспедиции от 14 марта 1738 г. о выдаче жалования служилому Попову, ведущему метеорологические наблюдения: СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 32. Л. 7–7 об.

² Гмелин Иоганн Георг (1709–1755; Johann Georg Gmelin), натуралист, химик, врач. Изучал медицину, естественные науки и минералогию в университете Тюбингена. В августе 1727 г. приехал в Петербург по приглашению Академии наук, с 1731 г. занимает должность ординарного профессора химии и естественной истории, в 1733 г. выехал из Петербурга в Камчатскую экспедицию в составе Академического отряда. В Академическом отряде Гмелин отвечал за минералогию, географию, ботанику, зоологию и прочие естественнонаучные дисциплины. В экспедиции провёл около 10 лет,

избывав почти всю Сибирь, часто в сопровождении своего большого друга, историка Миллера. В 1747 г. Гмелин поехал в отпуск в Германию и больше не вернулся в Россию. В Германии он начал издавать свои экспедиционные материалы, что вызвало большой гнев Петербургской академии наук, поскольку участникам Академического отряда было запрещено публиковать за рубежом результаты своих открытий в Камчатской экспедиции. Четырёхтомный труд Гмелина «Flora Sibirica» до сих пор является классикой ботанической науки, хотя и был написан в доинициальное время. Гмелин оставил также и описание своих путешествий по Сибири: Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, I–IV, Göttingen, 1751–1752. (См.: Белковец 1990; Панфилов 2007).

6 Промемория Тайной канцелярии Адмиралтейств-коллегии о разжаловании лейтенанта Дм. Овцына в матросы и об отправке его в команду Беринга (20 января 1739 г.)

(Л. 406) Промемория

Ис Канцелярии тайных розыскных дел в Адмиралтейскую коллегию. По имянному Ея Императорского Величества указу повелено содержащего в Tobolsku при следствии лейб-гвардии у обер-афицеров морского флота поруччика Дмитрея Овцына¹ за некоторую ево вину², о чем в Тайной канцелярии по делу явно, написать до выслуги в матросы в команду капитана-командора Беринга и для того отослать ево ко оному Берингу. А к порученному оному Овцыну делу определить вместо ево друго-ва обер-афицера по рассмотрению Адмиралтейской коллегии. И о том ис Тайной канцелярии во оную коллегию сообщить, о чем сим и сообщается. И Адмиралтейская коллегия да благоволит о том учинить по Ея Императорского Величества указу. А о написании оного Овцына в матросы и об отсылке ево к помянутому капитану-командору Берингу к означенным

лейб-гвардии обер-афицером ис Тайной канцелярии указ послан генваря 20 дня 1739 году.

генерал Ушаков³
секретарь Николай Хрущов
канцелярист Федор Митрофанов

РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 7. Л. 406.

Подлинник, собственноручные подписи. На верхнем поле канцелярская запись: «№ [...]»^a Подана генваря 21 дня 1739 году. Записать в доклад». На левом поле, перпендикулярно основному тексту, стоит исходящий (?) номер: «№ 4».

¹ Лейтенант Дмитрий Леонтьевич Овцын (1708–1757). Родился в родовом имении Чегловка Сусанинской волости Бийского уезда (совр. дер. Щегловка Бийского р-на, Костромской обл.). Древний род Овцыных берёт начало от рязанско-муромских потомков Рюрика. Предки Овцына служили в воеводах, стольниках, участвовали во многих войнах XVI–XVII вв. Встречающееся иногда в документах написание «Авцын» свидетельствует о том, что фамилия произносилась с ударением на последнем слоге. Только в безударном положении первый гласный мог слышаться как «А». Сам Овцын часто писал свою фамилию не через «О», а через «омегу». Дм. Овцын — выпускник Морской академии, в плаваниях находился с 1725 г. Назначен в Камчатскую экспедицию 20 апреля 1732 г. В 1733 г. по новому штату ему было присвоено звание лейтенанта майорского ранга. С 1734 г. по 1738 г. был руководителем Обско-Енисейского отряда, совершил четыре плавания по назначенному маршруту и прошёл, описав и картографировав, Тазовскую губу, р. Таз, часть Обской губы, восточные и западные побережья п-ова Ямал, весь морской путь от устья

Оби до устья Енисея. 13 сентября 1738 г. он был арестован за связь со ссыльными князьями Долгорукими, с которыми Овцын встречался в Берёзове. Овцын, однако, отделался довольно мягким наказанием: он был разжалован в матросы и отправлен в команду самого Беринга, при котором по сути исполнял адъютантскую должность. Овцын участвовал в плавании «Св. Петра» к берегам Америки и в зимовке на о. Беринга. Чин лейтенанта был возвращен Овцыну 19 февраля 1741 г., но он сам узнал об этом только в 1742 г., после возвращения с о-ва Беринга. После окончания Второй Камчатской экспедиции Овцын продолжал плавать на Балтийском море, командуя различными судами. Дослужился до капитана 2-го ранга и должности обер-штер-кригс-коммисара (ОМС 1885. Ч. 2. С. 297–298; Тренев 1953. С. 64–76; Белов 1956. С. 289–297; Греков 1960. С. 76–83; Магидович 1984. С. 113–117; Волобуев, Ципоруха 1995. С. 35–41; Балюк 2004. С. 59–66; Лурье 2005. С. 187–188).

² «Вина» Овцына состояла в контактах с опальными князьями Долгорукими в Берёзове. Документы следствия, по которому проходил Овцын, см. в: ВКЭ 2009. № 136. С. 366–372; ВКЭ 2013.

^a Номер не проставлен.

№ 108, 109, 141, 142, 153. С. 606–623, 720–727, 776–790. Следователям капитану Федору Ушакову и поручику Василию Суворову (Корсаков 1891. С. 124–126) не удалось найти серьезных доказательств близости Овцына и Долгоруких, поэтому и наказание его оказалось сравнительно мягким. Материалы следственных дел о Долгоруких находятся в первую очередь в фонде «Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особенной важности» (РГАДА. Ф. 6. Д. 173, 175, 178, 179, 181). При подготовке издания документов Второй Камчатской экспедиции нами просматривалось всё следственное дело Долгоруких, чтобы выяснить роль Дм. Овцына, проходившего по делу.

³ Ушаков Андрей Иванович (1672–1747), сенатор, генерал-адъютант, руководитель Тайной канцелярии. Происходил из небогатой дворянской

семьи, государственную службу начал только с 1700 г. К работе в Тайной канцелярии Ушакова привлёк ещё Петр I, включивший его в 1718 г. в Комиссию по расследованию дела царевича Алексея. Ушаков проявил большое рвение, некоторые предполагали, что он собственноручно убил царевича. При вступлении на престол Анны Иоанновны в 1730 г. он был сделан руководителем Тайной канцелярии и с большим успехом руководил порученным ему ведомством вплоть до самой смерти в 1747 г., т. е. ему удалось удержаться на столь деликатном посту при трёх правительницах — Анне Иоанновне, Анне Леопольдовне и Елизавете Петровне. Современники отмечали, что он был воспитанным и приятным в общении человеком. Его можно назвать службистом, а не садистом. (См. подробнее: Анисимов 2002. С. 175–179; Курукин 2006. С. 200–216; Серов 2008. С. 77).

7 **Рапорт Якутской воеводской канцелярии Адмиралтейств-коллегии о помощи Камчатской экспедиции с заготовлением и перевозкой провианта и строительством судов (20 января 1739 г.)**

(Л. 208) В Государственную адмиралтейскую коллегияу
из Якуцкой воевоцкой канцелярии
репорт

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Адмиралтейской коллегии в Якуцкую воевоцкую канцелярию, писанной декабра 15 дня 1737 году под нумером 3213¹, в котором написано: понеже де по имянному Ея Императорского Величества указу, коим образом чрез отправленного с прошлого 732 году капитана-камандора Беринга с прочими подчиненными при нем морскими служителями Камчацкая экспедиция начата, и ко исполнению той экспедиции какия